

АРИОН

АРИОН

Литературно-художественный
студенческо-преподавательский альманах
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Выпуск 9

90208/5

Тюмень
Типография «Печатник»
2008

84(2Рус)6
А 81

АРИОН: литературно-художественный студенческо-преподавательский альманах Тюменского государственного нефтегазового университета. Вып. № 9. – Тюмень: Типография «Печатник», 2008. – 96 с.

Составитель и редактор

С. К. Ломакин

Художник

Б. И. Паромов

ISBN 978-5-903826-25-0

© Тюменский государственный
нефтегазовый университет, 2008

Уважаемый читатель, предложенный вашему вниманию очередной коллективный сборник «Арион-9» рассказывает о событиях сегодняшней жизни. О том, как авторы чувствуют время происходящих перемен в стране, соучаствуют в этих переменах и событиях, открывая тем самым новые стороны своей творческой биографии. Реальность, её постижение не ускользает от взора литераторов и, порою столкнувшись с грубым чувственным прикосновением, с действительностью, они ведут нескончаемый диалог души и природы, в котором духовное, незримое опредмечивается, расцветает и сохраняет глубину душевных впечатлений. Некоторые авторы сборника принимают участие с момента его создания. И любопытно наблюдать за их творчеством, их интеллектуальным, гражданским ростом. В их стихах и рассказах отчетливо просматривается строгость и ориентированность смыслового содержания, говорящие о подлинной заинтересованности в судьбе России. Чувствуется красота завершенных гармонических форм, полновесно значащее и звучащее слово. Анализируя их произведения, приходишь к убеждению, что авторы становятся мудрее, мировоззренчески определившимися. Их отличает не смутность постижения зримости, не зыбкость творческого процесса, но безусловная гармония предварительных итогов, определённая чаемого ими результата. Каждая клеточка словесной ткани заполнена смысловым настоем, густота которого так многословна, вариативна, что рассудочно-трезвое здравомыслие перед ней недоуменно теряется. И, чтобы не продолжать свои умственные изыски, я предлагаю читателю, взявшему в руки сборник, раскрыть его и начать читать, добираясь до сокровенных мыслей и идей авторов...

**Станислав Ломакин,
член Союза писателей России**

Станислав Ломакин

К 180-летию мыслителя. Философ, критик «просвещенства»

Великое духовное наследие России неисчерпаемо. Духовные искания русских мыслителей заставляют погружаться в их творческую лабораторию, заставляют восхищаться их идеями и идеалами, которые не меркнут и актуальны и в наше время. Предметом моего повествования в данной статье является творческий портрет Николая Николаевича Стрхова (1828-1896 г.).

Многие исследователи творчества Н. Стрхова относят этого мыслителя к «почвенникам» и для этого есть все основания, так как он был страстным поборником идей почвенников А. Григорьева, Ф. Достоевского, Н. Данилевского. Он был другом и интерпретатором творчества двух последних. Анализируя произведения Н. Стрхова, поражаешься его глубоким знаниям в различных сферах естественных и гуманитарных наук. Философ и литературный критик Стрхов слыл человеком энциклопедически образованным и одним из высококультурных людей своего времени.

«Мир как целое» главное философское произведение русско-го мыслителя. Это сочинение в какой-то мере опережало свое время, оно навеяно мистическими идеями Л. Н. Толстого, о творчестве которого размышлял и писал философ. В одном из писем Л. Толстому Н. Стрхов высказал идеи, которые были почти идентичны учению Л. Толстого: «Всякая жизнь происходит от Бога. В нашем сознании сознает себя то вечное духовное начало, в котором – корень всякого бытия. Все от Бога исходит и к Богу ведет и в Боге завершается». Книга «Мир как целое» четко фиксирует антропологический поворот в историю развития поздней русской религиозной философии, а именно, проводя идею об органиченности и иерархичности мира, видя в человеке «центральный узел мироздания». По Стрхову: мир есть как целое, вещественная сто-

рона мира, подчиняясь духу, создает формы органической жизни. Организм является духовным началом всего сущего, а центральной сферой в мире является человек, как «узел мироздания, его величайшая загадка, но и разгадка его». Человек пытается понять себя, отрывая себя от мира, и познает загадку мира, его тайну. Страхов в своем философском трактате доказывает, что мир представляет собою гармоническое и органическое целое, все члены которого служат друг другу и составляют одно целое. Это целое можно достигнуть в соотношении человека и природы.

Человек может приблизиться к Абсолюту, т.е. к Богу если он религиозен, только в этом случае он обретет внутреннюю гармонию и самодостаточность в понимании целостности Бытия мира.

Большой общественный резонанс вызвало трехтомное исследование Н. Стрехова «Борьба с Западом в русской литературе» 1883 года. В этом произведении философ выразил свое почвенническое реноме, критикуя Западную цивилизацию с ее культом безбожия, не освященной религиозным миропониманием. Мыслитель резко критикует западные ценности, замененные «безумным рационализмом». Ученый не верит в слепую веру разума, заменившую христианскую веру. «Это скептики, – пишет он, – в одном только никогда не сомневаются, – в силе своего собственного разума между тем, их вера в разум слепая и фактическая... Теперь самый последний тупица возомнил, что он может стать наряду с первыми светочами человечества... Они бродят в ужасных потемках, воображая, что их окружает свет и что уже они сами – носители этого света».

Человек, по его мнению, должен искать спасение души и ставить чистоту души выше всяческих рациональных бесчеловечных идеологий. Критикуя западную рациональную цивилизацию, философ всячески подчеркивает самобытность великой русской культуры, которая возвеличивает душу человека, его душевные порывы жить по справедливости и совести. Н. Стрехов резко критикует «просвещение», считая его болезнью, переходящей в злокачественную стадию. Против этой заразы русский мыслитель советует быть ближе к родной почве, ближе к народу, сохранившему, по его убеждению, в своем быту здоровые религиозно-мировые начала. «Просвещение» понимается критиком как вера во всемогущество человеческого разума и преклонение, доходящее до идолопоклонства, перед достижениями и выводами естественных наук: и то и другое, – считает он, – служит философской базой для обоснования материализма

и утилитаризма, ставшими популярными на Западе в то время и частично в России.

По существу речь здесь идет о том: делает ли наука людей нравственными, как соотносятся разум и чувства, душа и тело. Н. Страхов писал: «Люди не одумаются и не остановятся до тех пор, пока не изживут нынешних понятий и на деле, в жизни, не испытают того, к чему ведут их теперешние желания. Поэтому можно предвидеть внешние бедствия, страшные потрясения. Люди долго будут слепы, и не будут внимать самым ясным урокам, самым горьким опытам». Задумаешься над этими пророческими словами и приходишь к выводу, что они уже осуществились. Мыслителю дорого человеческое первородство, а не мнимые достижения науки. Н. Страхов перевел несколько научных книг западных ученых на русский язык: «Историю новой философии», «Бекон Веруламский» Кунофишера, «Историю материализма» Ланге, «Жизнь птиц» Брема и др., но при этом он всегда выражал свое отношение к науке, подчеркивая моральную сторону, душевную чистоту, моральные императивы исследователей.

Полемизируя с философом В. Соловьевым в связи с выходом книги Н. Данилевского «Россия и Европа», Страхов защищая идеи своего друга, четко выразил свое гражданское, философское кредо, которым руководствовался в течение всей своей жизни. «Много у меня предметов смущения, уныния и стыда, но за русский народ, за свою родину я не умею стыдиться. Стыдиться России? Сохрани Боже! Это было бы для меня неизмеримо ужаснее, чем, если бы я должен стыдиться своего отца и своей матери». Какие прекрасные, про никновенные слова любви к России!

Исповедь художника Рассказ

Пошел второй месяц выставке в Русском музее в Санкт-Петербурге тюменского художника Александра Николаевича Павлова. Посетителей становилось все больше и больше. Книга отзывов пухла от восторгов и восхищений. Успех выставки был ошеломляющим. Некоторые питерцы и гости города приходили по нескольку раз. Павлов обратил внимание на постоянного посетителя – мужчину лет пятидесяти пяти. Был он сухощав, бледен, задумчив. Долго стоял у понравившихся картин: «Родное окно», «Колокольчики», «Астры». А картину «Январь. Зимний сон» буквально изучал, простаивая перед ней часами.

К Павлову часто подходили посетители выставки пообщаться, попросить автограф, подарить цветы, свои стихи. А незнакомец не подходил. Тогда Павлов подошел к нему. Познакомились.

- Денис Спиридонович, – сказал мужчина.

Разговорились. Речь сразу зашла, конечно, о выставке.

- Художник проверяется по тому, как он изображает ромашки. Не могу оторвать взгляда от Вашего «Белого букета».

- Вы художник? – догадался Павлов.

- Был, – ответил Денис Спиридонович.

- Как это «был»? Художник не может перестать быть им!

- А я вот перестал. Был известным в Питере художником – пейзажистом и портретистом. Можно сказать модным был. Но началась перестройка. Какое-то затмение нашло на сознание людей. Все решили стать богачами. Кинулись все продавать. Но никто не покупал. Но мне повезло: фирмы заказывали вывески, рекламные щиты. Эмблемы, портреты. Деньги текли ко мне рекой. Купил дачу, все на ней сделал своими руками, превратил ее в произведение искусства. Заглядение, а не дача. Обставил квартиру. Купил машину. На даче резвились дочь и сын, хлопотала домовитая жена Раймонда. Кстати, чем-то похожая на Вашу жену Софью Николаевну, которую я вижу часто на выставке.

Рассказчик замолчал. Комок застрял в горле. Говорить не мог. Потом рукавом рубашки вытер слезы и продолжал:

- Дети выросли, дочь вышла замуж. Сын женился и уехал на Север на заработки. Жена умерла внезапно, сразу. Сердце... Остался я один. Сажу однажды в своем тереме. Ни одной живой души. Даже любимый кот Нестик покинул меня. Вспомнил детей, жену. Разрыдался. А сам думаю: ну зачем мне все это богатство? На что потратил столько лет жизни? Рисовать! Рисовать! Схватил этюдник и бегом в лес. Красавицы сосны тянулись к небу. Белоствольные березы выстраивались в хоровод. А кора сосен отливала золотом. А какие цветы росли в лесу! Похожие на те, которые Вы изобразили на своих полотнах. Сел я на стульчик за этюдник. Ну, думаю, запечатаю эту красоту. Просидел до вечера. Одна мазня получилась. Цветы какие-то толстые, жирные, не изящные, краски кричащие, словом, не цветы, а толпа толстух.

На следующий день все повторилось. Потом еще и еще. Понял, что разучился рисовать и писать маслом. А когда услышал о Вашей выставке, сразу пошел посмотреть работы настоящего художника. Подлинное искусство пробуждает надежды. Захотелось снова заняться живописью. Вот хожу, учусь у Вас. Хочу, как Вы, бескорыстно служить искусству.

Авторы сборника «Арион-9» поздравляют известного философа профессора, члена Союза писателей России Федора Андреевича Селиванова с 80-летием со дня рождения.

Доброго здорovia,

творческих свершений,

Федор Андреевич!

Профессор Рассказ

Сергей Никифорович имел завидную эрудицию. Можно сказать, что он читал все, что попадало в руки. И конечно, он читал «Повесть о разлуке» Михаила Зощенко. В ней рассказывалось, что некий профессор и его студентка провели ночь вместе. Им было хорошо. Утром профессор ушел в ванную побриться и принять душ. Вернулся и видит: его подруга, еще не одетая, сидит на постели и горько плачет. Профессор – к ней. И слышит, как она приговаривает:

- Как я низко пала!

Недоумевающий профессор увидел в руках девушки его паспорт, который та внимательно рассматривала. Все ясно: она узнала, сколько ему лет.

Когда Сергей Никифорович прочитал повесть, вспомнил разговор со своей студенткой Настей. Он спросил ее, почему она не выходит замуж за Виктора Григорьевича, с которым он часто видел их вместе.

- Так он же старый, – ответила Настя.

- А сколько ему лет?

- Тридцать пять.

- А тебе?

- Двадцать.

Для двадцатилетней девушки 35-летний мужчина уже старый.

Ничего этого Сергей Никифорович не понимал, когда влюбился без памяти в Галю Першину с хореографического отделения. На этом отделении академии культуры и искусств он читал лекции и вел семинары по культурологии. Когда бы он ни вызывал Галю на занятиях, она всегда давала полные, ясные и толковые ответы. Щечки ее обычно покрывались румянцем, черные глаза начинали свечиться изнутри. Она никогда не жестикулировала, ее стройная и тонкая фигура балерины оставалась неподвижной. Однажды она подошла к профессору после семинара:

- Я прочитала в книге по логике такую задачу: «В слове семь букв. Выбросьте букву, и в слове останется две буквы. Что это за слово?» Я перебрала все буквы и даже названия их, но так и не отгадала слово. Помогите мне.

Профессор задумался и сказал:

- Если задача не решается выбранным способом, то надо менять способ. Попробуем не буквы перебирать, а слово «буква» вы-

бросить. Это слово содержится в «букваре». Вот и уберем слово, останутся две буквы.

- Спасибо.

- Пожалуйста.

Вскоре профессор встретил Галю в филармонии на концерте оркестра Антона Шароева. Сели рядом на свободные места, слушали прекрасную музыку и сидели не шелохнувшись. По окончании концерта Галя легко вскочила с кресла и походкой танцовщицы пошла к выходу. Профессор едва поспевал за ней. Он проводил Галю до общежития. Прощаясь, поцеловались. Пришел день, когда девушка пришла к Сергею Никифоровичу домой и осталась у него на ночь. История, описанная М. Зощенко, не повторилась.

Через два месяца был ученый совет академии. На заседании взяла слово проректор по учебной и воспитательной работе Наталья Игоревна Щербакова. С первых же фраз она стала громить Сергея Никифоровича за недостойное поведение. Надо сказать, что уже давно нигде не проводятся собрания о моральном облике членов коллектива. Что ударило в голову Щербаковой, неизвестно. Впрочем, она долгие годы преподавала историю картин, занимала партийные посты в вузах, бдительно стояла на страже идейности и нравственности.

- До чего дело дошло? – вопрошала она.

- Профессор Соболев провожает студентку и целует ее у входа в общежитие. Это могут увидеть другие студенты.

- Нельзя! – громко сказал ассистент Женя Шильников. – Целовать студенток можем только мы, ассистенты!

Присутствующие рассмеялись, а проректор продолжала свою гневную речь:

- Галина Першина бывает у профессора дома в гостях. Моральное разложение профессора Соболева достигло апогея.

- Пусть поставят на входе в дом железную дверь. – Не унимался Шильников. – Никто и не буде ходить. А впрочем, не мешает посылать самого Сергея Никифоровича.

Профессор встал, прошел к столу преподавателя и заговорил:

- После смерти супруги моя жизнь была однообразна и тускла. А когда в нее вошла Галя Першина все в ней изменилось: я был счастлив. Вы не знаете, что это за девушка! Она прекрасна, она чиста, как горный родник, она добра, как ангел. Она излучает тепло, к ней тянутся люди. Потянулся и я.

Профессор замолчал. И вдруг в глубокой тишине раздался крик:

- Я люблю Вас, Сергей Никифорович.

С последнего ряда через весь зал бежала, распахнув руки, как крылья, Галя. Подбежав к профессору, она обняла его и крепко поцеловала в губы. И тут произошло то, чего никто не ожидал. Раздался гром аплодисментов.

Галя и Сергей Никифорович, обнявшись, пошли к выходу. И все встали. Овация усилилась. Все были счастливы, кроме Щербачковой. И я, рассказчик, был счастлив, все видел сам. А у многих женщин капали слезы радости.

Ива плакучая Сказка

Яна Шмарова, студентка сельхозакадемии, приехала в деревню Корчуганову, чтобы помочь бабушке Екатерине вскопать огород и посадить картошку. Бабушка старела на глазах и тяжелую физическую работу не выполняла.

Вечером уставшая Яна отправилась на речку Каменку, которая текла у деревни. Берега ее заросли кустарником, но Яна нашла просвет у плакучей ивы, подошла к воде, пощупала ее: холодная, купаться нельзя. Но руки, ноги, лицо вымыть можно. Яна принесла мыло и полотенце. Она сняли ситцевое легкое платье, расстегнула лифчик и тоже сняла. Когда кончала мыть ноги, услышала глубокий вздох, потом стон. И увидела, как с ветвей покатались крупные капли, хотя дождя не было. Яна испугалась, что все это значит? И вдруг ива заговорила:

- Не бойся, девушка. Когда-то и я была такой, как ты: красивой, крепко сбитой. На тебя приятно посмотреть.

Ива замолчала. Яна спросила:

- Как же ты стала ивой?

- Ты заметила дом, самый дальний от нас, который стоит на отшибе и в котором никто сейчас не живет? А когда-то в нем жил мужичок колдун Савелий, хромой и с одним глазом, злой, никогда не улыбнется. Так вот, он хотел на мне жениться. Но он мне не нравился, и я ему отказала. Он психанул, пообещал отомстить. Надо сказать, что он обладал даром волшебства: мог превратить одно в другое. Драчуна Никифора превратил в зайца, болтушку Матрену – в щуку. А меня сделал ивой, стоящей у реки и оплакивающей свою

долю. Правда, обещал отпустить, если найдется девушка, которая заменит меня. Тебя как зовут?

- Яна. А тебя?

- Лукерья.

- Вот что, Яна, соглашайся заменить меня и стать ивой. Будешь смотреться в речку, слушать ее говор, мыть свои пряди волос в прохладной воде. Красиво?

Яна уже оделась и слушала Лукерью с волнением и спросила:

- И как же я превращусь в иву?

- А вон идет Савелий. Он часто приходит попроведовать меня и отвести душу в разговоре. Он и превратит тебя в плакучую иву.

- Не вижу никакого Савелия.

- Тебе не дано его увидеть, пока не станешь ивой.

- А сколько тебе было лет, когда случилось с тобой это несчастье? – спросила Яна.

- Двадцать.

- А сколько лет ты стоишь у воды?

- Семьдесят.

- Ого! Значит тебе сейчас девяносто лет. И ты хочешь перестать быть ивой? Хочешь стать старухой?

- Нет, я хочу стать такой, какой была семьдесят лет назад.

Подошла бабушка Екатерина:

- Я ищу тебя, Яна. Уже темнеет, а тебя все нет и нет. Я забеспокоилась.

Яна рассказала бабушке о разговоре с Лукерьей.

- Ее горю можно помочь. Я видела, что и как делает Савелий в таких случаях. Как только я скажу волшебное слово «Крихистомана», ты три раза хлопни в ладоши и пропой это слово. И увидишь, что произойдет.

Бабушка выкрикнула «Крихистомана». И вдруг появился Савелий, хромой и без левого глаза. Был он стар и согнувшийся. Яна хлопала в ладоши и пела волшебное слово. Ива затрепетала, подул сильный ветер, и из ивы вышла прекрасная в сарафане девушка. А Савелий как-то ступешался и вошел вместо Лукерьи в иву. Плакучая ива исчезла, на ее месте стояла простая ветхая ветла.

- Ну, вот и все, – сказала бабушка. Идите домой.

Яна и Лукерья взяли за руки, и пошли в деревню вслед за бабушкой.

На небе высypали крупные звезды. Ночь опустилась на реку, на берегу которой произошли необыкновенные события.

Помните, люди, июньский рассвет,
Эхом звучащий множество лет,
Взрывами, горем, разлукой, огнём,
Помните всё, пока мы живём.

День рождения Тюмени

С Днём рожденья, Тюмень, с Днём рождения!
Снова стала ты на год взрослей.
И, развесив везде поздравления,
Приглашаем на праздник друзей.
Все сегодня придём, обязательно,
Образует живое кольцо,
И на город посмотрим внимательно -
Как его изменилось лицо.
"Вырастают" строения стремительно,
Так, обгоним столицу Москву.
Заявляю я это решительно -
Город-сказка, почти, наяву!

Константину

Ветра свист за вагонным окошком,
хороводы зелёных берёз,
И поляны в душистых цветочках,
помню, здесь я родился и рос.

Здесь с друзьями встречал я рассветы,
вечерами сидел у костра,
Под гитару я пел свои песни,
помню всё, словно было вчера.

Но уходим мы все понемногу
друг за другом, где нет бытия,
И, быть может, последние годы
красоте этой радуюсь я.

Тишина за составом вагонным,
хоровод белоствольных берёз,
Дом вдали, свет в окошках знакомых,
помню, там я родился и рос.

В феврале позёмкой белой
Заметает снег Зима,
Словно знает – скоро смена,
И торопится сама
Уложить свои сугробы,
Подмести дороги все,
А потом с Весною, чтобы
Встретиться во всей красе.

За окном звенит капель,
И трещат синицы -
Это к нам пришёл апрель.
Мне опять не спится.

Ожиданием полны
Ночи до рассвета
Под сиянием Луны.
Только где ты, где ты...?

Апрельский снег

Похолодало, вдруг, в апреле,
Покрылись снегом ветви елей.
С утра весенний ветерок
Кружил танцующий снежок.
Зачем-то он пошёл в апреле,
И вновь тропинки побелели,
Но окончанию зимы
С надеждой радуемся мы.

Июньский «снежок»

Белый, пушистый июньский «снежок» –
Это летит тополиный пушок.
В жар изнурительный хочется мне
Вспомнить о снежной, холодной зиме,
И, словно мысли мои угадал,
Тополь везде свой пушок набросал.
Кружится пух, словно вьюга зимой,
Ветер метёт его по мостовой,
И средь зелёной июньской листвы
Зиму морозную вспомните вы.

Опята

Солнце светит с высоты,
Мы идём через кусты
Собирать опята.
Веселей, ребята!

Лес грибной стоит вдали.
Что нас ждёт там впереди?
Там растут опята.
Веселей, ребята!

Вот и осень к нам пришла,
Это щедрая пора,
На пеньках – оята
Веселей, ребята!

Из оят мы сварим суп
И накормим всех вокруг.
Как вкусны оята!
Весело, ребята!

Марсианам

Ночью в тёмном поднебесье
Светит яркая Луна,
В вышине среди созвездий
Точка красная видна –

Диск на небе марсианский.
Марсиане, мы – родня!
Со своей планеты красной
Посмотрите на меня.

Мы живём здесь по соседству
Возле Солнца своего.
Говорю вам без кокетства –
Очень любим мы его.

Солнце – центр системы нашей,
Значит, папа наш родной.
Ночью же планета наша
Освещается Луной.

Как фонарик на верёвке
Над землёй она висит.
В темноте мерцают звёзды,
Среди них она блестит.

Дорогие марсиане,
Шлю я вам большой привет!
В выходные прилетайте,
Приглашаю на обед.

Антарктида

Антарктида, недоступна ты и холодна.
Антарктида, ты на полюсе Южном одна.
Капитаны направляют к тебе корабли,
Интересней нет на нашей планете земли.
В Антарктиду, где закован во льды материк,
Только сердцем тот, кто очень горячий, проник.

Рисование или муки творчества

Было весело и, вдруг,
Стало хмуро всё вокруг.
Вероника щёки дует,
Юля с красками колдует:
"Не рисуется цветок,
Хоть бы кто-нибудь помог,
Мне цветок нарисовал,
Чтобы он красивым стал".
Очень трудно рисовать,
Легче прыгать и скакать.

Голубой или метаморфозы восприятий

Голубая, голубое – ничего прекрасней нет!
Это небо, это речка, это глаз любимых цвет,
Это лента из роддома дорогому малышу,
Это моря голубого от волны прибойной шум,
У десантников – береты, и дразнилка у мужчин...
А для этого найдётся, даже, множество причин!
Где же выход из проблемы? Кто подскажет нам совет?
В институте нам сказали: «Голубого цвета нет!
Если что, есть светло-синий – он бывает лишь такой».
Но я помню, был же в детстве цвет красивый – голубой!

Напился

Это было в далёкие студенческие годы, вспоминая которые, Алексей Белов вспоминает и эту, кажущуюся теперь забавной, историю...

В общежитии ТГСИ, как сокращённо называли свою Альма-Матерь "грызущие гранит науки", пронёсся слух о неожиданно нагрянувшей проверке комнат.

Студенты знали, что периодически такие проверки происходят. Проверяется чистота, порядок комнат, и сами жильцы тоже должны выглядеть прилично.

А четверо друзей, проживающих в одной из комнат, очень сильно забеспокоились. Всё дело в том, что накануне они накупили несколько бутылок водки, готовясь отметить одно из знаменательных событий в своей молодой жизни.

Проверочная комиссия была из нескольких человек, во главе которой состоял проректор института Геннадий Олимпович. Обнаружение запаса этой жидкости грозило исключением, чего бы никому не хотелось...

Необходимо было срочно что-то предпринимать! Четвёрка парней рванулась в соседнюю комнату, где жили девушки. Неимоверными мольбами им удалось уговорить спрятать водку у живущих там одногруппниц. Друзья уверяли, что если водку найдут в девичьей комнате, девушкам отчисление не грозит по той причине, что они – девушки, а парней выгонят обязательно, если бутылки обнаружат у них!

Теперь у согласившихся помочь однокурсниц была задача – спрятать водку так, чтобы у проверяющих не возникло никакого подозрения о её существовании. Вопрос в том – куда?

Во всех комнатах общежития имелись графины для питьевой воды и стаканы, которые стояли на подносах на столах. Девушки перелили водку в графин, бутылки выбросили. Всё выглядело хорошо. На столе стоял графин с кристально-чистой жидкостью, которая ничем не отличалась от воды, а наличия бутылок в комнате не было. Оставалось ждать прихода важных гостей...

Наконец комиссия явилась. Удостоверившись в отсутствии прикроватной пыли, наличии идеального порядка в комнате, можно было бы уходить, чего и ждали девушки, затаив дыхание...

Но тут Геннадий Олимпович, бросив взгляд на графин и стоящие вокруг него четыре стакана, спросил: "Можно у Вас напиток?" Не смея отказать в просьбе, девушки, почти одновременно, произнесли: "Да, пожалуйста, пейте...".

Испытывающий жажду подошёл к столу, налил полный гранёный стакан, быстро поднёс ко рту и, сделав глоток, замер без движения на какую-то долю секунды, которая показалась вечностью молодым студенткам...

А главный действующий герой этой сцены, вновь обретая способность двигаться, быстро выпил содержимое, поставил стакан, вытер ладонью губы, громко сказал: "Спасибо!" и направился к выходу. Следом за ним двинулись остальные члены комиссии, а студентки бросились в комнату к тем, из-за кого им пришлось натерпеться такого страха.

С градом слёз девушки принялись ругать виновников произошедшего: "Забирайте свою водку, чтобы её не было! Из-за вас нас выгнали из института!!!"

С большим трудом ребятам удалось выяснить, как всё происходило... На вопрос: "Как выгнали?", девушки, плача, твердили: "Нашли водку, выгнали!!!"

Прошло время... Из института никого не выгнали.

Забылся

Алексей Белов вспоминал, что в последнее время, почему-то, совсем перестал видеть своего соседа по лестничной площадке. А у Ивана Павловича совсем недавно произошли кардинальные перемены в жизни. Случилось это совсем неожиданно, так, что он и сам не может объяснить себе, как и почему так произошло.

Иван Павлович много лет работал на хорошей должности, получая довольно большую зарплату, и мог позволить себе одновременно не одну радость в жизни. Его жена тоже имела приличные деньги, работая зав. кафедрой в институте, а дочь-старшеклассница радовала отличными оценками. В общем, было всё хорошо и дома, и на работе. Дела шли налажено. Командировки вносили разнообразие в привычный уклад жизни.

Как-то раз, возвратившись из очередной командировки, Иван Павлович увидел новую сотрудницу – молодую, стройную и красивую брюнетку по имени Светлана. Отчего-то при взгляде на неё, глаза Иван Павловича долгое время оставались немигающими, и так происходило всякий раз, когда он видел Светлану.

Как же захотелось ему снова стать без своего внушительного брюшка и, придающей солидность, блестящей лысины! Но, невзирая на такие недочёты своей внешности, наш герой старался раз-

влекать Светлану интересными разговорами, один из которых он закончил предложением подвезти до дома. В этом не было ничего особенного.

Тёмный зимний вечер, дорога почти в одну сторону, да и жила Светлана с родителями, потому и приглашения к ней в гости не ожидалось. Но эта подвозка закончилась страстными поцелуями в салоне автомобиля, задержавшими возвращение с работы в родное гнездо часа на полтора. Впрочем, это тоже было делом привычным, так как нередко он мог и дольше задерживаться на работе. А теперь работа стала чередоваться с времяпровождением со Светланой – Светиком.

Иван Павловичу всё больше времени хотелось проводить со своим черноглазым очарованием, и он начал предпринимать решительные действия. Вначале это были разговоры с предметом обожания о возможной совместной жизни. На это Светик давала полное согласие, поскольку понимала, что будет иметь материальную выгоду. Пока её ровесники начнут делать карьеру, она уже будет иметь всё, что захочет, если не оттолкнёт от себя престижного влюбленного.

Далее действия развивались стремительно. Иван Павлович быстро купил однокомнатную квартиру неподалеку от своего дома, чтобы не тратить лишнее время на перемещение от одного своего родного «гнезда» до другого. Конечно, теперь его командировки участились, половину которых он проводил со своей подругой. Насладившись молодой жизнью, возвращался к жене и дочери.

Всё, как и прежде, шло хорошо. Но однажды теплым апрельским воскресным утром Светик попросила своего влюбленного вынести мусор. В махровом полосатом халате, тапках на босу ногу, с ведром, сонно потягиваясь и зевая, наш герой пошёл к мусорке.

Высыпав мусор, посмотрев вокруг и полюбовавшись на восход Солнца он, возможно, по привычке, а, возможно от того, что ещё не окончательно проснувшись и забывшись, отправился не туда, откуда пришёл, а к своему родному семейному дому, поднялся на свой этаж, нажал на звонок. Через минуту дверь открыла жена, проводившая своего дорогого в командировку два дня назад и непонимавшая теперь, почему ей приходится встречать своего суженого, неожиданно явившегося из важной командировки в таком необычном наряде.

Но вернуться домой на этот раз у Ивана Павловича не получилось. Теперь он приходит сюда только по воскресеньям ненадолго повидаться с дочерью. А постоянным местом жительства для него стала квартира, купленная для приятного проведения времени и отдыха от своей семьи.

В густой аллее тёмных вязов
Иду задумчива, тиха,
Сентябрь, вовсе, не обязан
Всегда сверкать парчой стиха...

Он ткёт её из листопада,
На купола берёз – сусаль
Нальет и этому я рада,
Но увядания мне жаль.

Ведь скоро, скоро всё померкнет
Под серой краской ноября
И осень, словно снимет мерку
Для снежной шубы декабря.

Пока – сентябрь плодородный
Мне сердце радует теплом...
Придёт октябрь мой холодный -
Друзья, я жду вас за столом!

В лесу апрель – доверчивый и свежий,
По лужицам разлита тишина.
И холода кусаются всё реже
И с каждым днём заметнее весна!

Щебечут птицы, норки роют мыши,
Родным и тёплым пахнет от земли,
Сорочий треск я над собою слышу
И облака – как в море корабли.

В сыром снегу, как тёмные окошки
Вокруг стволов протаяли круги
И солнца мёд стекает мне в ладошки
И плавит лёд проснувшейся реки.

А снег вдали лишь островками света,
Смолистым духом веет от сосны,
Душа сейчас до ниточки раздета,
Распахнута, открыта для весны!

Колдует туман над оврагом,
Вдали зеленеют поля...
Природной живительной влагой
Напитана эта земля.

Лежат за увалом деревни
И русский на сердце покой...
Обычаям следуя древним,
Стада побрели на постой.

Лесов горизонтные башни
Стоят, словно стражи-века,
Разбужены чёрные пашни
И синею лентой – река.

Берёзы щебечут и сосны,
Играет с листвой ветерок...
Промчатся и зимы и весны,
Наступит всему нужный срок...
Пахнуло есенинским духом,

Лирично и нежно, светло...
Пусть всем нам земля будет пухом,
Коль смертных нас вместе светло...

Лето – красной земляникой
Уронила я из рук...
А любовь – немой уликой
Оправданьем стала мук.

Я не знаю, что итожить –
Пусть был опыт и урок...
Вот бы мудрость мне умножить,
Запастись бы ею впрок.

Ромашковое поле,
Берёза у плетня...
Российское раздолье,
Здесь вся моя родня.

Я упаду в ромашки,
Июль тепло разлил...
Покусываю «кашку»
И набираюсь сил.

А сверху солнце греет,
Стрекочут «кузнецы»,
Славянским духом веет,
Играют бубенцы -

Тут русской тройкой лето
Летит во весь опор,
Лесных певцов куплеты
Вылущивает бор.

Иной не надо доли,
Вот села стрекоза,
Сибирское приволье,
Гляжу во все глаза...

Сентябрь многоцветный
Зажёг свой карнавал!
И на исходе лета
Позвал меня на бал.

В лесу – как в галерее,
На выставке картин
И в скверах и аллеях –
Сентябрь-господин.

Вот жёлтый зал я вижу,
А вот и голубой.
Мне красный, может, ближе,
А, может, золотой...

Я словно на параде
Гуляю во дворце
И фейерверку рада,
Я в золотом венце!

Спасибо за подарок,
Спасибо за приют,
В объятьях жёлтых арок
Мне красного нальют.

Слепой дождь

Серебристыми нитями – дождь
Вышивает мне гладью платье...
Я сегодня здесь временный гость
И со мною лесные братья.

Вот бельчонок, вот дятел, скворец
И деревья, и чуткий ветер...
Вот и радуга дарит венец –
Ничего лучше нет на свете!

Дней неспешных вереница
Проложила к легу мост.
Глазки синей медуницы
Так и просятся на холст.

Вдаль бегущая тропинка,
Как загадочный узор,
Заплетается в осинках,
Опоясавших бугор.

Где цветущие поляны,
Молчаливы, как во сне,
Где черёмух запах пряный
Растревожит душу мне.

Где в лесной тиши фиалки
Неприметные на вид...
Может быть, пойти к гадалке –
Что мне скажет о любви?

Ночь назначила вновь сторожить тишину
И бессонница мне помогает...
Я печалью сегодня встречаю весну,
Пусть она о мечтах всё узнает.

Как судьбу, за свой стол, я весну приглашу,
Ничего от нее я не скрою.
Я ей списком мечты, как судье оглашу,
Только нет в этом списке героя.

Тот герой затерялся среди старых страниц,
В детстве читанных мною романов,
На лихом корабле, выше сказочных птиц,
На просторах седых океанов.

Потому и наивно мечтать, что придёт
Мой герой из далекого мира,
Где судьбой управляет не банковский счёт,
А любовь и стальная рапира.

Отзвенела весна...
В ожидании лета
Спит в лесу тишина,
В изумруды одета.

Но обманчив покой –
Солнце в облаке скрылось,
И по лесу волной
Дрожь листвы прокатилась.

Май отходит. Июнь
Направляется в гости.
Все, кто стар и кто юн,
Силы пробуют в росте.

Потемнела трава,
Тополек подрастает...
Жизнь вступила в права
И потерь не считает:

Отцветут те луга,
Что весну украшали,
И покроют стога
Те луга шалашами.

А потом и вода
В синий лед превратится...
Это было всегда,
И всегда повторится.

Мы привыкли уже к беспределу -
Время денег, разврата и власти,
Душу бросили, отдали телу -
Все дары, удовольствия, страсти.

Безрассудные, страшные годы...
Ах, Россия, моя ты Россия,
Поиграли немного в свободу ...
Но не так у Христа мы просили...

Черета событий, смена лиц,
Их судьба нам дарит и уносит.
«Господи» – прошу, склонившись ниц,
Всем дай счастья и замедли осень.

Черета событий, смена лиц...
Чьи-то души расстаются с нами
Белым клином улетевших птиц,
Обронивших перья над полями.

Северные мотивы

Недавно мне подарили три книги, авторами которых являются прозаик Валерий Мартынов повести «Свишь», роман «Единица деленная», цикл рассказов «Мещанские сказы», и поэтесса Людмила Ефремова, написавшая прозаическую книгу «Картина за спиной». В своих прозаических произведениях они по существу пишут об одном и том же и отражают события, совпадающие по времени.

Речь идет об освоении Севера Тюменской области, или ещё точнее, о людях, трудившихся не один десяток лет и живших со дня становления и развития города Надыма. Путём такой ретроспекции авторы не только посвящают читателей в тайны своих героев, но и своеобразно воссоздают через совокупность частных судеб и индивидуальных конфликтов историю освоения Севера. Композиционный принцип, лежащий в основе их повестей, рассказов, можно назвать принципом особого времени.

Работа на Севере в экстремальных условиях оставляет впечатление от пережитого на всю оставшуюся жизнь. В этих условиях происходит надлом, уход от привычных будней, суеты, сброс всей наносной чужеродной защитной оболочки (пыли) на душе человека. Процессы социальной и духовной жизни, связанные с освоением нефтяных и газовых месторождений, авторы выразили через особые

формы описаний событий, не побоюсь пафосно сказать, героического времени. Они идентифицировали себя полностью с первопроходцами, осваивающими северные просторы. Грандиозные масштабы свершений романтически окрашивают неприглядную серую действительность. В. Мартынов и Л. Ефремова, по-разному без всяких красивостей, голосом совести описывают человеческие слабости и относятся к ним без непримиримой требовательности и педантизма.

Способность понимать людей такими, какие они есть в своей линии поведения: волевыми, незащищенными, неприкаянными, проявляя в определенных условиях дух вольности и неприятие строгой официальности и регламентации, казенщины. Всё это отражено в произведениях надымских писателей, выявляя их нравственные приоритеты, духовную связь с персонажами. Эта связь очевидна, т.к. они прошли тропами и дорогами со своими героями. Конечно, писатель не может отражать жизнь людей с точки зрения изоморфизма, когда элементы одного множества полностью совпадают с элементами другого множества. Воображение присутствует у обоих писателей, но в рассказах и повестях В. Мартынова оно наличествует в большей мере. Письмо Л. Ефремовой больше тяготеет к документалистике. Но я должен отметить, что язык у обоих лаконичен, точен, образен. Немецкий философ и писатель Ф. Ницше высказал интересную мысль: «Человек изобрел искусство, чтобы не погибнуть от истины». Видимо, нужно понимать его высказывание, на мой взгляд, следующим образом: искусство в его различных видах и жанрах, каким бы величайшим историческим феноменом человеческой деятельности оно ни было, является слабым отражением существующей действительности, а воображение, образное мышление дополняет как бы вторичные отображения жизни. А оно в свою очередь не предусматривает полного копирования индивидуальной трансформации в сознании людей. Культура в сознании людей является только имманентной, неотторжимой частью духовного мира творцов, создающих разнообразные виды искусства.

В рассказах В. Мартынова «Мимозы», «Баба Поля», «Сейф», «Непью», «Такая вот война» и других, сохраняя все внешние приметы сугубо камерного повествования, захватывают гораздо более широкие пласты социальной жизни.

Событийная сторона происходящего в рассказах занимает писателей куда меньше, нежели внутренний мир персонажей, своеобразная сейсмограмма их мыслей и чувств. Время для героев движется неравномерно, оно то растягивается, вбирая в себя всю полноту духовной жизни героев, то стремительно летит.

Некоторые рассказы писателей демонстрируют разную степень отчётливости поведения героев, от лёгкого юмора до карикатурного гротеска. Л. Ефремова живописует разные ситуации своих знакомых, совпадающие с нашими.

Сюжетной сердцевиной многих очерков и рассказов В. Мартынова и Л. Ефремовой является размышление о своём времени и соотносённость в нём себя. Писатели прямо указывают, что в наше время насаждается утилитаризм, растление молодежи, стремление оболгать всё хорошее, нравственное, что было в советское время, забыть свою историю. Культ преуспевания успеха плодит поколение безликих приспособленцев, людей бессмысленно пожертвовавших своей человеческой полноценностью во имя сомнительных удовольствий, выразившихся в материальных и социальных благах. Напор предпринимательства не только губит первозданную природу Севера, но и вытесняет из жизни веками складывающийся быт, моральные устои, подменяя их рациональным стандартом сугубо потребительского существования.

Читаешь повести, рассказы В. Мартынова и поражаешься его прозорливостью, его жизненному опыту, его наблюдениям относительно переоценке моральных ценностей людей, когда они меняют вагончики, бараки, балки на квартиры. Новая среда, условия жизни вызывали неотвратимые изменения в жизненных переменах. Состояние жизненного дискомфорта и наоборот влияют на духовную жизнь людей.

Тема духовного (даже не физического) выживания в произведениях В. Мартынова и Л. Ефремовой, на мой взгляд, главная опора их творчества. Север может поднять и опустить человека на разные высоты.

Одна высота открывает новое видение в жизненных реалиях, другая может застить глаза и обесмыслить жизнь человека во всех её проявлениях. Всякие люди встречались писателям на их жизненном пути. Были и гламурные сволочи, чувство жертвенности им не доступно, но даже и они, эпатажируя своё поведение, вынуждены

были признать необходимость освоения Севера и значимость его в истории развития Сибири. Удивительно разнообразные мотивы поведения людей: здесь и романтика, жестокость, мелочность, нестяжательство и откровенное сребролюбие, интимные стороны, выдержанные, как в откровенных, так целомудренных формах. Писатели показывают изнанку Северных будней, проявляя редкостную объективность, вкладывая частицу собственной души, рисуя образы суровой природы и людей, осваивающую её. Ещё одна тема, пронизывающая все рассказы и повести – это тема труда, иногда невыносимо тяжёлого, основанного на духовном дерзании и отваги человека. В повести «Фагоцит» В. Мартынова главный персонаж Светлана, много испытавшая в жизни, размышляет: «Жизнь не есть непрерывная разматывающаяся лента, это на надгробье она вмещается в небольшую черту между цифрами начала и конца, жизнь состоит из отрезков разной длины, разного цвета, разного запаха.

Хорошие книги написали В. Мартынов и Л. Ефремова, заставляющие страдать, мыслить, чувствовать, мир их книг включает в себя все возможные поведенческие структуры, выраженные в отношении к людям, природе, которыми руководствуемся и мы, читатели.

Кратковременное пребывание в санатории

Известный русский художник-пейзажист Дмитрий Васильевич Томилин с двумя сумками и мольбертом спешил к подъезду санатория «Сатурн». Сильные порывы ветра и черные низкие взлохмаченные тучи, предвестники дождя и града, заставляли его торопиться.

Он успел вбежать по ступенькам крыльца под козырек крыши главного корпуса, как грянуло небесное представление. С неба сыпал град, он сплошной стеной обрушивался на землю. Дмитрий Васильевич с изумлением стал наблюдать за разбушевавшейся стихией. Некоторые градины, величиной с крупную горошину, отскакивали от земли, ступенек крыльца и достигали его ног.

Художник обратил внимание на стоящую рядом с подъездом лавочку, на которой стоял большой оркестровый барабан. Видимо,

артисты, прибывшие с концертом, не успели занести музыкальный инструмент в здание. Падение градин на барабан сопровождалось дробным, хаотичным звуком, похожим на ослабевший гром, и сливалось с настоящими громовыми раскатами.

Дмитрий Васильевич, наблюдая за природной стихией, уже мысленно делал наброски своей будущей картины. Какая же неукротимая сила заключена в природной данности, образующая бешеные, разрушительные ритмы и создающая мотивы жизни. Художник на минуту закрыл глаза, представив на мольберте четкие линии контура картины, но резкий удар грома вернул его к реальности; яркие краски рассыпались, и видение исчезло. Ливень не проходил. Падающие капли подпрыгивали и пузырились. Редкие градины, достигнув воды, распадались.

«Можно, сколько угодно душе, любоваться бесконечно длинной, сверкающей, гремящей и таинственной грозой, но надо получить ключ от номера и начать новую жизнь» – подумал художник и направился в комнату с названием «регистратура». Ему вручили ключ от одноместного номера, и первое, что он увидел, открыв дверь, был паук, спускавшийся с потолка на прозрачной тонкой нити прямо к дверному проему. Неплохой знак – решил вошедший. Паук, словно подслушав мысли художника, стал подниматься вверх, меняя ориентиры движения. Когда-то давно Дмитрий Васильевич читал, что пауки, крепко зацепившись ногами, приподнимают заднюю часть брюшка и через особые трубочки выделяют вещество, густеющее на воздухе, и превращающееся в прозрачную нить. Когда затвердевшая нить достигает определенной длины и вытягивается по движению воздуха, паук подбирает ножки и повисает в пространстве. Существует поверье, что встречи с пауком – это приятные встречи и получение хороших вестей, писем, телеграмм, телефонных звонков.

Дмитрий Васильевич стал вытаскивать из сумок и раскладывать на столе книги и краски, готовясь с завтрашнего дня начать писать пейзажи, а также закончить статью о влиянии православия на творчество русских художников. Раскладывая книги, он не упускал из вида продвижение паука, думая о том, что получит письмо или его ждет приятная встреча. И неожиданно для себя произнес: Мы с тобой подружимся. Ты, наверное, голоден? Сейчас я открою фор-

точку, появятся мухи и заживем на славу все двадцать четыре дня, которые мне надлежит провести в санатории.

Через несколько минут появились в комнате мухи, к ним присоединились комары, но они, посчитал художник, для меня нежелательны: *persona non grata* и закрыл форточку. Неожиданно в дверь постучали: вошла молодая, красивая женщина (немного за тридцать), она назвала себя Надеждой Федоровной, сообщила, что является соседкой и приглашает присоединиться к компании для игры в карты дурака, т.к. не хватает партнера. Дмитрий Васильевич играть в карты отказался, заявив: дурак по-турецки «остановка» и он не умеет играть в карты, да к тому же только заехал 10 минут назад. Надежда Федоровна не уходила, её взгляд обшарил каждый уголок комнаты и остановился на книгах. Да, Вы никак художник, и вдруг ойкнула, ударила ладошкой по лбу, как это делают люди, в основном мужчины, вспомнила, вспомнила, Ваша фамилия Томилин. Три года назад я была на Вашей выставке в доме искусств. Я читала о вашем московском и петербургском триумфе, где работы были высоко оценены искусствоведами и зрителями. Надо же какой знаменитый сосед у меня появился, заключила свой монолог Надежда Федоровна. Слух о том, что среди отдыхающих находится известный художник, распространился мгновенно. Нашлись люди, которые разбирались в живописи и задавали художнику десятки вопросов. Дмитрий Васильевич, входя в столовую, ловил на себе взгляды многих людей, а особенно женщин.

Несмотря на то, что ему было уже 52 года, выглядел он молодо и женщины разных возрастов от 20 и старше не оставляли его в покое, где бы он не находился. Он был среднего роста, подтянутый, худощавый, широкоплечий, с правильными, красивыми чертами лица. Его темные глаза под седыми, как снег, зачесанными назад волосами становились задумчивыми, когда разговор заходил о живописи, литературе, музыке. Его мелодичный, приятный магический голос проникал в сознание людей и властно будил в душе ответные чувства. Когда он спорил с коллегами, участвуя в круглых столах, ни мысль, ни намерения, ни фантазия, ни ожесточение оппонентов не могли его остановить, он дерзко покорял встревоженную аудиторию своей эрудицией и логикой. Но выходы в свет, как говорил художник, с годами становились всё реже и реже, к этому его обязывало творчество, оно заставляет уединиться и не терпит суеты. Его

любимым местом была деревня Вараксино, расположенная вдоль чистой речки, число жителей в ней было не более 15 человек.

Живописная природа настраивала художника на размышления о вечных проблемах. Несколько лет он слышал голос кукушки, который ждал, и этот голос, прилетевший издалека, наполнял его горячей кровью и соединял его узамы, которые он не мог объяснить. Во время её кукования он с радостью обновлял воспоминания, но стоило голосу задержаться ненадолго, его снова охватывало чувство тревоги и тоски.

Находиться в санатории Дмитрию Васильевичу становилось всё труднее, его останавливали отдыхающие, старались познакомиться, задавали вопросы, один подвыпивший мужчина предложил художнику большую сумму денег, чтобы он нарисовал его портрет. И это было последней каплей; терпение в многолюдном санатории переросло в нетерпение. Он решил поскорее исчезнуть с глаз отдыхающих.

Через неделю Дмитрий Васильевич покинул санаторий «Сатурн» и вернулся в милую его сердцу деревню Вараксино.

Юбилей

Актовый зал университета неспешно заполнялся приглашенной публикой: коллеги, преподаватели, студенты, друзья пришли поздравить известного учёного-философа, общественного деятеля Грабова Юрия Константиновича с 70-летием. Руководители области и города с огромными букетами цветов, тоже почтили своим присутствием юбилей профессора, некоторые из них были когда-то его студентами и аспирантами. Постоянно ведущий на подобных мероприятиях коллега и друг профессор М. Вокшенин открыл заседание ученого Совета, посвященное чествованию Ю. Грабова. Он кратко, не без юмора, охарактеризовал деятельность учёного, предупредив всех желающих поздравить Юрия Константиновича, чтобы они были предельно краткими в своих выступлениях. Подарки, грамоты, цветы, дифирамбы юбиляру слились в общий нескончаемый поток. Многие из присутствующих ждали, когда же ведущий предоставит слово постоянному оппоненту юбиляра, на всех научных конференциях, круглых столах, дискуссиях, выдумщику, остролову и эрудиту Сер-

гею Константинову. Наконец, и до него дошла очередь. Он взял микрофон и начал говорить: от меня ждут чего-то необычного сказать в адрес моего коллеге, но это не тот случай, когда нужно словесно пикироваться. Масштаб личности зависит не только от социального, общественного статуса, но, прежде всего, от человеческих качеств, о которых здесь уже сказано предостаточно и само присутствие многочисленных гостей лишь подтверждает масштаб Юрия Грабова.

Давным-давно мне попало немудрящее геронтологическое исследование канадских учёных, основанное на нумерологии. В монографии речь шла о трёх сакральных цифрах 7, 14, 21, являющимися священными для многих этносов. Там сказано: человек, достигая семидесятилетнего рубежа, как наш уважаемый философ, обязательно, неизбежно проживёт ещё 7 лет. В совокупности должна появиться цифра 14. $7 + 7$. Но, если он преодолевает и этот рубеж, то можно не сомневаться, что он проживёт ещё 9 лет, т.е. 86. Снова высвечивается 14. $8 + 6$. А дальше ещё легче, почти все люди, достигшие 86 лет, доживают до 95 лет (включаются оставшиеся резервы). Опять цифра 14. $9 + 5$. Правда, помнится, что исследователи обратили внимание на три фактора:

1) Не стоит в 95 лет заниматься ежедневно умственным трудом. Сказано же в Библии: увеличение знаний увеличивают скорби человека. Творческий акт делится на две противоположные по значению фазы: процесс продуцирования идей и процесс их критического осмысления. В этом возрасте и то и другое контрпродуктивно.

2) В этом возрасте истончается Тимус. Тимус – это вилочковая железа, когда рождается ребёнок, она с детский кулачок, но по мере взросления, и особенно старения, она деформируется и к концу жизни превращается в точку, как шагреновая кожа у Бальзака. Тимус служит своего рода биологическими часами, программирующими оптимальную продолжительность жизни человека.

3) В это время происходят необратимые половозрастные, соматические, психофизические процессы, изменяется гормональный фон, когда мужчина феминизирует. Так что, дорогой господин Грабов, Вы имеете возможность выбирать: либо 95, 77 или 86.

На мой дилетантский, непрофессиональный взгляд Вам, профессор Грабов подойдёт цифра 86, тем более что в этом возрасте не наблюдается тех кардинальных изменений, которые наличествуют

у мужчин 95-летних. Более того, мужчины, приближающиеся к 86-летнему возрасту переживают третью молодость (акме), они поднимаются на трансцендентный уровень, т.е. выходящий за пределы личностного Я и обнаруживают около себя Alter ego (второе Я). В этот период, как показывают исследования геронтологов, заметно активизируется эрективная функция, омолаживающая весь организм. Все понимают, не проточная вода портится, а стоячая. В зале уже слышится смех. Выступающий перевёл дух, сделал паузу и заявил: то, что вам здесь поведал дорогой Юрий Константинович и присутствующие, я придумал сегодня, когда ехал сюда на автобусе № 14, чтобы добраться до Университета с 6 микрорайона, требуется около 1,5 часов (сплошные пробки) и за это время чего только не нафантазируешь. Простите меня великодушно. Каюсь. Ещё обвинят меня те, кто переживёт эти цифры или, не дай Бог, не доживёт до них. В зале общий смех. А закончить своё выступление хочу строчками великого русского писателя и мыслителя Владимира Алексеевича Солоухина: это обращение писателя, прежде всего к юбиляру и тем людям, которые приближаются к этому возрасту:

*Держитесь, копите силы.
Нам уходить нельзя.
Россия ещё не погибла,
Пока мы живы, друзья!*

P.S. Как нам стало известно, недавно наш юбиляр женился в третий раз на бывшей своей студентке, и у них родилась дочь, почти одновременно у профессора появился первый правнук. Все бывшие жёны, их дети и нынешняя жена не в претензии к профессору. Со всеми он общается, материально и духовно оказывает посильную, для его возраста, помощь, т.е. принимает активное участие в реализации национального проекта, связанного с демографической программой страны.

Взгляд из окна

Смотрю из окна квартиры на проезжую часть дороги. Кто-то из жильцов многоэтажного дома выбросил чёрствый хлеб. Проезжающие машины раздавили его на крошево, тут же появились воробьи

и два голубя. Они мирно склёвывают мелкие остатки раскрошившегося хлеба, но покидают хлебное место при появлении ворон, кратковременное единение голубей и воробьев рассыпается. Вороны не ведут себя агрессивно, но при подлёте своего собрата отскакивают в сторону, уступая место сильному. Одна ворона схватила в клюв чёрствый небольшой кусок и полетела. Наблюдаю за её полётом, она подлетела к лужице, положила кусочек в воду и клювом стала его переворачивать, чтобы он размок. Какие умные вороны!

Воробьи начинают вести себя нервозно и агрессивно, когда недостаточно корма, они устраивают потасовки между собой. Одного сородича завалили втроём в небольшую впадинку на земле и так его долбили, что я не выдержал и вынужден был вмешаться – ударить по раме окна кулаком. Из птиц, наверное, только синицы ведут себя по отношению друг к другу толерантно. Для всех остальных птиц, зверей природа распорядилась так, что питать иллюзии относительно того, что они будут руководствоваться жалостью, значит обречь себя на гибель, т.к. инстинкт не соотносится с разумом...

Дарвинский естественный отбор действует у большинства птиц и зверей и, видимо, иногда у людей...

Кошка Лизка и Таракан

Ученые энтомологи утверждают, что в городских квартирах стали исчезать тараканы и связано это с большим наличием электроприборов, телевидения, мобильных телефонов, потреблением модифицированных продуктов людьми и т.д. Мысль их такова: у тараканов отсутствует иммунная система, они гибнут или покидают квартиры, не выдерживая современную цивилизацию. Это своеобразный звонок, предупреждение для человечества. В нашей квартире на кухне я увидел одинокого таракана, его заметила и кошка Лизка. Она лапой, чуть-чуть касаясь, выгнала таракана из кухни в большую комнату и начала с ним играть на полу. Лапой она меняла направление бегущего таракана под диван и, когда тот оказывался на середине комнаты, она отворачивалась от него, словно он её не интересует, но стоило ему забежать под книжные шкафы, она тут же возвращала его обратно на середину комнаты.

Лизка имитировала отсутствие внимания к таракану, и в то же время не упускала его из виду. Но в какой-то момент она упустила его. Он исчез из поля её видимости. Лизка забеспокоилась, она залезла под диваны, кресла, её мордочка выказывала недоумение – вот он был и исчез, словно провалился. Она подошла ко мне, потёрлась об ноги и даже с досады мяукнула, словно спросила меня, где же таракан? Меня это тоже заинтересовало, я опустился на колени, заглянул под книжный шкаф. Оказывается, таракан поднялся по ножке шкафа вверх и уселся на перекладине и, конечно же, Лизка потеряла его. Сообразить Лизка не могла, что её так одурачил таракан, инстинкт которого продиктовал ему найти спасительную нишу.

Интересно наблюдать за животными, зверями, птицами; задумываешься над тем, что человечество за свою многовековую историю развития приручило из великого множества зверей только около десяти, сделав их домашними животными. Это лошадь, корову, осла, кошку, козу, собаку, верблюда, слона, но почему не смогли приручить зебру, волка, тигра и др.?

Шпора

Ходить становилось всё труднее и труднее. Боль усиливалась. Сергей Степанович решил приобрести трость, чтобы уменьшить боль правой ноги. Трость была простой и удобной; опираясь на неё, он щадил пятку правой ноги, но это мало помогало. Множественные рецепты, почерпнутые из разных медицинских источников и книг народных целителей (гомеопатов) не принесли желанных результатов. Ходить Сергею Степановичу становилось всё мучительнее.

Народный многомиллионный еженедельник Вестник ЗОЖ (Здоровый образ жизни) в лице его читателей предлагал разные, порою немыслимые варианты избавления от шпор. Рецепты печатали почти в каждом номере. Сергей Степанович, как советовали подписчики ЗОЖа, нагревал морскую соль в большой сковородке и ставил в неё ноги, катал пятками по волнистой поверхности стиральной доски, подкладывал под пятки разные травы, птичий помет, делал солевые, луковые повязки на ночь, прикладывал к стопе

красный перец, берестяные стельки, прополис, нечищеную овечью шерсть и т.д. Ничего не помогало. Рентген показывал: нарост на пяточной кости увеличивался. Советы со стороны коллег по работе, друзей, родных, знакомых росли, и Сергей Степанович прислушивался к ним. Их учтивость и сочувствие оттеняла достоинства советчиков, так как они старались ему помочь. В подобной ситуации проявляется житейская превратность: люди, стремящиеся быть здоровыми и помогающие им, говорят на одном языке. Хорошие люди – это добродетельные люди, спешащие бескорыстно оказать помощь, они проявляют терпимость, сострадание и дорога дружбы у них не зарастает тернием. Однажды Сергей Степанович, прихрамывая, с тросточкой ковлял к автобусной остановке, он спешил на лекцию к студентам, появившийся маршрутный автобус заставил его поспешить и, чтобы не опоздать, наш герой побежал, споткнулся на пути, наступив большой ногой на какой-то предмет. Боль была нестерпимой и Сергей Степанович, заскочив в автобус, стал думать о том, как прочитает лекцию, если боль его не отпустит. Его мысли плавно перетекли на содержание предстоящей лекции, торопя к спасительному действию, которое притупит боль. Сергей Степанович вышел из автобуса, не чувствуя боли в ноге, он был поражён такому исцелению. Может быть, это Божий промысел?

Диалог у мусорного контейнера

Только что забрезжил рассвет. Солнце медленно выкатывалось из-за горизонта, освящая значительные пространства. Солнце растопило туман над озером, и оно, словно помытое невидимой рукой, блестело своей первозданностью. Виктор Гаврилович любил это время, когда ещё не проснулись отдыхающие санатория, и он мог смотреть на розовые редкие облака, отраженные в синей воде, думать.

На водной глади озера, далеко от берега, одиноко качалась в волнах чайка. Иногда она исчезала, растворяясь в прозрачной ряби, а всплески воды словно увеличивали количество чаек. Но она была одна. Виктор Гаврилович почему-то сравнил себя с чайкой, соотнес её со своей одинокой жизнью. Одинокая чайка в этой вечно кипящей мощи огромного озера и он среди богатой, праздной публики,

убирающий каждодневно за ними, очищая контейнера от мусора бытовых отходов. Виктор Гаврилович стеснялся очищать мусорные ящики в присутствии отдыхающих и часто задавался вопросом, а что отличает меня от них, может, я духовно богаче их, сказано же в Евангелии о людях так: «Человек, ты думаешь, что ты богат и силен? На самом деле ты нищ и гол, и слеп и наг». Правильно сказано. Нечестные люди отвернулись от Бога, и он в определённый период отвернётся от них. Девальвация совести человека связана с нечестной, наглой устремлённостью к стяжательству и накопительству.

Культивация жадности ведёт людей к бездуховному преуспеянию, к ущербности существования и не совместим с нравственностью и добродетелями. Размышляя о привратностях судеб людей, старик медленно шел вдоль побережья озера к ближайшему контейнеру. В его обязанности входило собрать выброшенный мусор в большие целлофановые мешки, связать их, т.е. приготовить для машины – «мусорки» как её тут называют, а куда везут мусор, уже не его дело.

Неожиданно его внимание привлёк мужчина, копавшийся в мусорном ящике. – Наверное, какой-то бомж не иначе. Не конкурент он мне, я же не волк и даже не собака, не ставлю метки, не пытаюсь застолбить территорию. Мужчина увлеченно разгребал палкой мусор и не услышал подошедшего.

Виктор Гаврилович, чтобы привлечь к себе внимание, кашлянул, мужчина резко повернулся и долго, внимательно смотрел на мусоросборщика, наконец, произнёс: Виктор Гаврилович, Вы что ли, как здесь оказались?

Хочу этот же вопрос адресовать Вам, Степан Федорович? Долго рассказывать, бомжую я, Виктор Гаврилович. Вы бомжуете, доктор наук, известный профессор, как докатились до такого социального положения? Похоже, и Вы, Виктор Гаврилович, не преуспели за период перестройки. Вы ведь, помнится, даже членом корреспондентом были какой-то ведомственной академии. Вот именно, ведомственной – молвил Виктор Гаврилович, а не РАН. Таких как я сегодня десятки тысяч, многие купили эти звания за деньги, не защитив даже кандидатских диссертаций. Сегодня всё продается и покупается; имей деньги и становись действительным членом, т.е. академиком какой-либо академии наук, которые появились в великом множестве. А потом удивляемся некомпетентности чиновников, которые, будучи профессионально неподготовлены, де-

лают драмы и трагедии людям. Мы с Вами получили прекрасное советское образование, работали в научно-исследовательском институте, научные разработки и идеи высоко котировались во всём мире. И что? Институт развалили, а нас – сотрудников вышвырнули на обочину жизни. Наша мизерная пенсия, на которую прожить невозможно, продолжал Степан Федорович, это унижение. После сокращения и ухода на пенсию, мы все по вине правительства лишились денежных накоплений, я пытался заниматься переводами технической литературы, но и там меня сократили, взяли молодых. Оказался невостребован. Какое-то время работал сторожем в детском садике, но и оттуда выгнали, сделал серьезное замечание заведующей, она и турнула меня. Так я докатился до собирателя бутылок, кормить же мне надо дочь – она инвалид, получает, сами знаете, какое попомоществование со стороны государства. Вот такие дела, Виктор Гаврилович, а как Вы здесь оказались?

История, Степан Федорович, как в миниатюре сродни Вашей. Только меня ещё не турнули (ваше выражение) с работы. Потребности богатых людей растут по геометрической прогрессии, растёт и мусор – значит, и мусоросборщики соответственно требуются количественно, но ещё по арифметической прогрессии. Смотрю на выброшенные вещи, продукты питания и думаю: удобный эгоизм и приобретательство – это самозащита богатых людей, которая умертвляет духовные запросы и веру в людей на христианских началах. Устремление к богатству, мне представляется дурная бесконечность, не знающая завершения. Что-то я вспомнил А. Пушкина в «Скупом рыцаре» – он обронил такую фразу: «Стыд горькой бедности» – это о нас, докатившихся до такого состояния по вине либералов-демократов, разваливших великое государство и сделавших несчастными и бедными миллионы людей. Так что, Степан Федорович, приходите сюда, в мусорных ящиках можно многое найти для потребления. Я Вам буду помогать; отбросим стыдливость, пессимизм, эсхатологическую тональность бытия, будем продолжать жить и надеяться, что среди богатых и людей в правительстве есть люди, которые желали бы своим честным трудом сделать как можно больше для граждан, чтобы они не испытывали «горькой бедности». Не помню, кто из мыслителей писал, за точность не ручаюсь, стала слабеть память: он делил людей на две части: у одной, меньшей, есть обед, но нет аппетита; у другой, большей – отличный ап-

петит, но нет обеда. Придёт такое время, когда мы – старики, я верю, Степан Фёдорович, будем иметь и обед и аппетит.

Самое благоприятное время в материальном плане было у учёных при Сталине. Ассистент вуза получал заработную плату равную зав. отделом райкома партии.

Поэт Беранже говорил, что нищий не имеет Отечества. Но мы с тобой не считаем себя нищими. Отдали свой долг Отечеству, и оно воздаст нам должное за наш труд. Мы верим в это.

Утешительно было слышать, как старые профессора собираются начать новую жизнь, т.к. было совершенно очевидно, что старей им хватит ненадолго.

Кошачий концерт

Сергей Петрович посадил в своем огороде корень валерианы. Цель утилитарная: из корней и корневищ валерианы приготовить экстракты, снадобья, настойки и использовать их в семье при лечении многих болезней. Старик, выйдя на пенсию, много читал статей по гомеопатии и, зная целебные свойства валерианы, следил за растением, холил его...

Ничто так не похоже на искреннюю убежденность, как упрямство в отстаивании своих принципов и суждений. Как-то субботним вечером хозяин, натаскавший воды в баню, присел покурить на крыльце и вдруг услышал кошачьи голоса, которые различались по своим сладострастным воплям и урчанием. В огороде Сергей Петрович увидел поразившую его картину: выращенные стебли валерианы были не только примяты, а прикатаны котами, во время их возбуждения. После этой процедуры коты попробовали и сам корень (кошки в этом не участвуют, природа не предусмотрела их влечение к валериане). Коты, естественно, забалдели, употребим такое выражение, и как финал этого действия, устроили концерт.

Хозяин дома и огорода насчитал двенадцать котов, включая в это число и своего рыжего кота Ваську. Они сидели вокруг корня в полуметре друг от друга, образуя ровный круг, распевая свои кошачьи песни. При этом синхронного лада было трудно уловить, услышать, так как каждый кот пел своим голосом, не подстраиваясь к

другим певчим. Какофония кошачьих звуков была слышна на всех немногочисленных улицах небольшой деревни.

Сергей Петрович разогнал котов, предпочтя им какофонию современных бардов, шансонье, менестрелей по телевизору. А у читателей может быть другое мнение, противоположное мнению Сергея Петровича?

На свою голову

В комнате, залитой мягким солнечным светом, сидят двое: пятидесятишестилетний профессор-филолог Иван Степанович и шестилетний внук Александр. Идет урок по русскому языку. Немного из истории их взаимоотношений: Иван Степанович, имея огромный педагогический опыт (преподает четверть века в университете) вознамерился сделать из внука гения, навязывая ему свою систему обучения и воспитания. Мальчишка оказался толковым к учебе, он на лету схватывал идеи филолога и даже делал попытки развивать их. Александр в четыре года свободно уже читал детские книжки, а к шести годам перешел к взрослым книгам, мог часами искать в энциклопедических словарях объяснения того или иного слова, понятия. Вернемся в комнату, в которой идет урок в форме диалога. Дед учит правописанию шипящих: в словах после ж, ш не пишутся буквы ы, я, ю, а пишутся и, у; жи, ши пиши через и, например: жилище, шиповник. Внук: дед, а жилище тождественно, идентично, таким словам как: угол, приют, гнездо, квартира, дом, жилплощадь, пристанище. Дед: да, конечно, ты прав, эти перечисленные тобой слова являются синонимами слову жилище. Но давай продолжим. Внук: дед, а почему слова: шепот, женщина, железо, шелест пишутся через е. Дед долго молчит, а затем идет жаловаться на кухню жене Варваре Васильевне: Ты понимаешь, мать, он меня радует своей начитанностью и взрослостью, но раздражает своими недетскими вопросами. Может, ты знаешь, когда после шипящих букв пишется и, а когда е». Варвара Васильевна говорит супругу: «Иван, это была твоя идея подготовить Александра до школы. Нужна особая методика, а я не филолог в отличие от тебя, а всего лишь врач». «Понимаешь, Варвара, я никогда не учил правописание, пишу грамотно, потому, что много в жизни прочитал книг. И мне легче рассмотреть

в рамках философии две требующие осмысления возможности подхода к анализу языка: на логическом и лингвистическом уровнях. Наверное, я учу внука языку, как способу корректировки, уточнению понятий, соответствующих значению слов. Меня беспокоит то, что я через некоторое время уже не смогу отвечать на его вопросы «почему?». Вспоминаю поэта, у него есть такие строчки, словно про нашего внука:

Он взрослых изводил вопросом «почему?»
Его прозвали маленький философ.
Но только он подрос, как начали ему
Преподносить ответы без вопросов.
И больше он, конечно, никому
Не задавал вопросов «почему?»

– Вот-вот, так и получится, – молвила Варвара Васильевна, – я продолжу мысль процитируемого тобой поэта, его же стихами:

Существовала некогда пословица,
Что дети не живут, а жить готовятся,
Но вряд ли в жизни пригодится тот,
Кто жить готовясь, в детстве не живет.

- Иван, ребенок должен жить всеми радостями, которые отпущены на определенный период его взросления, нельзя форсировать взросление ребенка, можно деформировать, сломать психику, но и тормозить не нужно, т. к. можно сделать инфантильным. Отпусти его на улицу, пусть поиграет в футбол с мальчишками, а то опять засядет за компьютер, он уже и так ионизировался.

- Ты как всегда права, мать, – пусть Санька идет на улицу, погоняет мяч во дворе с ребятами, это тоже проявление жизни, одной из составляющей, прозревающей сущности бытия.

СУРОВЯГИН Станислав

Синий майского неба подол.
Ветерок вдруг прохладой подул.
А вокруг никого, никого!
Сердце хочет чего-то. Чего?

Разомлела от неги земля.
От дурмяных цветов дурнота.
И высокая клонит трава
В забытье колдовское меня.

Все свежо, зелено, тяжело,
До краев соком жизни полно.
В травах, в листьях кустов – густота.
И святая во всем простота.

Кто в деревне не рос, тот на свет не родился,
Не купался в купели золотистой зари,
Не глядел по ночам на звездные мели,
И не грел своим телом песчаной косы.

В деревнях прозябают полночные травы,
До души заползает холодный рассвет,
А молочный туман до зари заливает
Белым морем еще не проснувшийся цвет.

Кто в деревне не рос, тот на свет не родился,
Не купался в купели золотистой зари,
И не слышал девичье голосистое пенье –
Половина веселья, половина тоски.

Кто в деревне не рос, тот на свет не родился,
Не купался в купели золотистой зари,
Не слушал щемящие песни метелей,
Что за ставнями плачут и пляшут в ночи.

От звенящих ручьев и звенящего пенья
В небесах до прощальных молитв журавлей –
Все мне мило, и было у тех, кто родился
И вырос в священной деревне своей.

Кто в деревне не рос, тот на свет не родился,
Не купался в купели березовых рощ,
Тот от детской поры до могильной постели,
Как бумажный цветок из возложенных роз.

Яблоньки пустые.
Бледная сирень.
Белый одуванчик.
Это летний день.

Отсверкала цветом
Буйная весна.
Так же отшумела
Молодость моя.

Но еще желтеют
Летние цветы.
И густая зелень
В чаше синева.

Безмятежны чувства.
Ровно дышит грудь.
И в зарницах светлых
Чуть заметна грусть.

Милые деревья,
Милые цветы,
Что случилось с нами,
Что взгрустнули мы?

Листья, зеленые листья,
Рано вы желтыми стали,
Птиц перелетные стаи
От лета еще не устали.

Дождика светлые пальцы
Лицо мне слезами умыли.
В пасмурном небе над нами
Тучки безмолвные плыли.

Влажность и кроткость в природе
Душу печально стеснили.
Хрупкие, нежные плечи
Черною шалью покрыли.

Зачем была первая встреча,
Зачем была дрожь ожидания,
Если глухое рыданье
И навсегда расставанье?

Сжигает тебя страсть,
Бессильна божья власть.
Одна лишь в сердце власть –
Мучительная сласть.

Ты вся горишь в огне,
Любовь горит в тебе.
Вся жизнь твоя во мгле,
Любовь чадит в тебе.

Опутала тебя
Любовная тоска.
Свет бел тебе не мил.
Не надо и креста.

Лишь в милые черты
Глядела ты, любя.
И белые цветы
Молила ты, скорбя.

Шуршит песок – земля,
Что сыплют на меня.
Но горькую тебя
Сквозь землю вижу я.

Горит, горит свеча.
Горит, горит любовь.
Истаивает воск,
Истает и любовь.

Это родина моя

Тополя, тополя,
Золотые тополя.
Золотые купола.
Это родина моя.

Рассинелись небеса,
Словно синяя вода,
Словно талая вода.
Это родина моя.

Осияла небеса
Солнца яркого краса.
Солнца алая тоска!
Это родина моя.

На душе уже весна.
Как в саду, поет душа.
На душе любовь одна.
Это родина моя.

Хорошо, хорошо,
На душе так хорошо.
На душе так хорошо,
Словно вышел на крыльцо.

Хорошо, хорошо,
На душе так хорошо.
На душе так хорошо,
Словно вышел на крыльцо.

Среди зеленой травы
Золотою рекой
Потянулись желтые лютики.

По краям к небесам
Молодые стволы
Протянули зеленые прутьики.
Наверху небеса
Расцветила краса
Голубыми и белыми пятнами.

Просветлело вокруг,
Засияло все вдруг
Куполами, крестами и святыми.

Боже мой! Какое синее небо!
Что там в сини таится той?
Неизведанное никем наслажденье
Или светлый и вечный покой?

По тонко хрустальному своду
Солнца катится шар золотой.
Поселился в пригретой природе
Кто-то ласковый с доброй душой.

Тишина льется как перед рассветом,
Только в небе солнце и синь.
И светятся лики деревьев,
И в душе моей грезится мир.

Но томительны долгие грезы,
Без исхода не выдержать так.
И рыдаю, склонившись над розой,
Мною купленной просто так.

Дачник

- Не знаю, как бы жил я без дачи.
- Да, ты сколько раз был нынче на даче-то?
- Ни разу.
- А говоришь.
- Так ведь жена у меня с дачи не вылезает.
- Хорошая у тебя жена.
- Кто знает.

Утешение невесты

- С кем быть того не миновать.

Превышение полномочий

- *Постовой ГАИ (нарушительнице):* Вы пересекли сплошную разделительную линию при обгоне.
- *Нарушительница:* Шеф, вот 500 р. и уважаем друг друга.
- *Постовой ГАИ:* На 500 р. не очень-то науважаешься.
- *Нарушительница:* 1000 р. и я мчусь полная благодарности.
- *Постовой ГАИ:* 2000 р. и я шлю вам вдогонку поцелуи.
- *Нарушительница (взвизгнув):* Безобразие! Вы превышаете полномочия!

По амбарам поскребу
Да сусеки вымету
Может горстку табака
На ночь наберу
Опускается туман
Молоком из вымени
У коровы в облаках,
Что жует зарю

Ненасытна ныне печь
Полвязанки съедено
Скоро новый колобок
Зарумянит бок
Как бы молодость сберечь
От седой отметины
Как бы душу сохранить
от пустых тревог

Кубик сахара промокший
Может в горле не застрянет
Я с купели, я продрогший
Побежал. Не догоняют.
Сбросил шубу. Крикнул зычно.
Огляделся, покраснел

Тычут пальцем: «Вон язычник
Ноги тащит еле-еле
Так-то, так ему Крещенье
Грешник, пьяница блудливый»
Ну а я искал спасенья
под канализационным сливом.

Чьи в лесу шишки?

Топ-гоп
Чьи в лесу палки?
Хлоп-Хлоп
Чьи в лесу ягоды?
Соберу загодя
В гроб, в гроб(2раза)

Чьи в лесу елки?
Хрусть-Хрусть.
Чья в лесу светлая грусть, грусть?
Чьи в лесу палки?
Стук-стук.
Где в лесу мой
Друг, друг.

НАПОМИНАНЬЕ

А меня забудут послезавтра.
Завтра я напомню о себе
И ещё один ненужный автор
Крест поставит на своей судьбе

За столом не слышно моих песен.
Под столом не слышен лёгкий стон.
Скоро стану я безынтересен
Мир со мною был вам слишком тесен
Без меня просторней станет он.

Я давно не видел неба
Может, просто старым стал
И бреду на ощупь слепо
В поисках воды и хлеба
На последний пьедестал

Я давно не видел моря
Только в памяти мелькнет:
Детство без вины и горя.
Кто-то маленький по морю
На кораблике плывет.

Я давно не видел утра.
А бывало по заре.
Солнышко встречал, как – будто,
Каждою дышал минутой,
И глядел на сизарей.

Я давно людей не видел
Может, потерялся я
Может, кто людей обидел
Может, я их ненавидел,
Может всё из-за меня?

Серёжки надевала весной.
 Меняла платья.
Но он был безучастным,
 прямым, холодным, серым,
На нежности березки
 смотрел офонарело.

У солнца с осенью роман

У солнца с осенью роман,
Щедро на золото светило.
Разделась осень, сел туман,
А солнце в тучи укатило.

Нагая осень слёзы льёт
И озирается уныло,
Она с надеждой зиму ждёт,
Чтоб наготу её прикрыла.

Первый поцелуй

Теплый вечер в пригороде.
 Тихие слова.
От прикосновения
 кружилась голова.
Словно кто-то выключил
 звуки все вокруг.
Мы, такие юные,
 повзростели вдруг.
Плыл по небу млечный путь,
 звездами клубясь...
Ах, какая нежная
 кожа у тебя.

Перед распятым

Трудно мне, а тебе – вО стократ.
Кровотчат раны в запястьях.
«Обопрись на меня, Господи» -
прошепчу я перед Распятым.
Может быть тогда, хоть на толику,
хоть чуть-чуть станет боль тише,
на подставленное плечо моё
обопрись поскорей, слышишь.

Танец на углях

На побережье, у ресторана,
Не чуя боли, забыв про страх,
Под звуки гайды и барабана
Танцует женщина на углях.
Она из Странджи, она – болгарка.
Национальный надев наряд,
Танцует истово нестинарка,
А угли рдеют и чуть горят.
Скажи сестренка моя, славянка,
Какие силы тебя хранят?
- Ногам прохладно, а сердцу жарко...
Я выполняю святой обряд.

«Быть может да, быть может нет

«Быть может – да, быть может – нет»
Звучал загадочный ответ.
Пройдет еще немало лет,
И снова – с яблонь белый цвет,
А на душе все тот же след,
Быть может – да, быть может – нет.

Быть может – нет, быть может – да.
Ведь не помеха иногда
Материки и города,
И дней текущих чехарда

Быть врозь, но вместе навсегда.
Быть может – нет, быть может – да.

Ночью лунной

Ночью лунной с неба ветер
 обронил звезду.
Я в ладонь её поймала
 прямо на лету.
И она не обжигает –
 до сих пор держу,
Но загадывать желанье
 все же не спешу.
Ночью лунной малозвездной
 посмотри в окно,
Мы желанье загадаем
 на двоих одно.

Возвращение

Прими же, Родина, меня!
В чужих краях свое мытарство
прерву хотя бы на три дня,
чтоб воздух пить твой, как лекарство.

Рассветом золотым встречай,
когда затихнет стук колесный,
и утоли мою печаль
в серебряных слезинках росных.

Опять, как в детстве, исцели
своей живительной нирваной
полученные там, вдали,
ушибы, ссадины и раны.

Уеду снова, а потом,
заплачу горько, вспоминая
крапивою заросший дом,
и запах твой, земля родная.

ОГОРОДНИКОВ Виталий

Насте

Мы гуляли по Питеру зимнему,
А потом побежали по Зимнему.

Вон испанцы услужливо ласться
К опехалу Инфанты Веласкеса.

А французов как будто контузило,
И мычат у портрета Кутузова.

В нас другая привычка сработала –
Мы собак покормили у Поттера,
И стрелой из Милана вечернего
Мы летим в Себастьяна Вечеллио.

С Караваджо бренчим, а у Рубенса
На Пегасах с Горгонами рубимся.

Отломил у Хеды полкренделя
И танцуем на свадьбе у Брейгеля.

Скачем так, что психуют зрители –
Уж лет триста такого не видели.

Это – Англия, это – Италия...
Это – Анастасия Витальевна,
Деларош, и Шарден, и...
так далее.

Жеребёнка звали Поединок,
Он о солнце гриву опалил,
Утопая в крыльях лебединых,
Я на нём по вечности парил.

Выпады его отважны, резки,
Поединок – это мой Пегас.
Облаков причудливые фрески
Скидывали занавес для нас.

Нам дороги солнышко кроило,
Мы ветрами упивались властью,
А внизу спокойна и бескрыла
Птица белогривая паслась.

А. Карнаухову

Прошёл в пехоте всю Европу,
Дороги стоптаны до дыр...
И вот на новенькую робу
Сменил потрёпанный мундир.
Ты снова дома. Жив и молод.
Мир! И мечта опять зовёт.
Ты автомат сменил на молот
И поле брани на завод.

Конец осадам, ранам, штурмам,
Ты в гул портовых кранов врос.
Мечта! Ты капитан, и штурман!
Мечта! Ты юнга и матрос.

И помнишь? Речка-невеличка,
Играют с солнцем пескари,
Где парус – в клетку, мачта – спичка,
А сам кораблик – из коры.

Давно отгромыхали войны,
И корабли идут не в бой.
Пусть их борта целуют волны
Морей, покинутых тобой.

Осень. Новые ботинки.
Первый снег всегда на грязь.
Голос тоньше паутинки:
«Здравствуй, школа – Первый класс!»

Хмуρο. Клёны и берёзки
В бурых тучах с головой.
Только галстучек матроски
Будто море, голубой.

Ваше детство раззадорю.
Мне порыв его знаком –
Пробегу по коридору
Со смеющимся звонком.

Научусь его азарту –
Он смеяться не устал.
Всех обратно, всех за парту,
Даже тех, кто
опоздал.

Дорога на Ямсовей

Бульдозеры рычали как бульдоги.
Скорей, живей, быстрее, шустрей, скорей...
Несправедливо. В Рим, так все дороги,
Оставьте хоть одну на Ямсовей.

Да! Есть одна, и тонкой паутиной
Воткнулась в топи, в кочки и во мхи,
Она впилась как в небо клин утиный,
Вцепилась крепче, чем перо в стихи.

Вы спали на мосту? Конечно, спали.
Внизу – реки гремящая скала,
Где щуки рыла упирают в сваи
И смотрятся в них будто в зеркала.

Мы бредили и западом и югом,
Укрывшись в неба ледяной тулуп,
Нас этот мост как маленьких баюкал,
Нам сладок поцелуй бетонных губ.

Здесь неба переспелая морошка.
Назавтра мы пройдем ещё версту...
На Ямсовой дорожка так дорожка,
Зато, какие ночи на мосту!

Дождик мой? Ну, конечно, да! Мой!
Я кричу ему: «Быстро, домой!»
– «Я бегу, только город домою»
– «А ты что, его моешь?» – «Да, мою!»
– «Я грязнуле водой как дам!» – «Ой!»
– «Ладно, ладно, сначала домой,
А потом поскорее домой».
Дождик мой? Ну, конечно.

Да!
Мой!

Каток

Станиславу

Вода подражает металлам – железам и сталям,
Текла бы себе, так ведь как устоять от соблазна,
И вот притворилась застывшим холодным кристаллом,
Скольженью и музыке только служить и согласна.

На зеркало памяти, вихрем старинного вальса,
Влекомый невидимым кем-то, неведомой силой,
Я снова из снов, из морозного детства ворвался
К той девочке, самой далёкой и самой красивой.

Да это она. Всё опять возродилось, проснулось,
Всё то, что дремало. И стали фантазии былью.
И в ту комсомольскую, ох и далёкую юность
Уносят коньки как стальные, звенящие крылья...

Там есть островок, где мальчишка проворен и юрок,
За ним наблюдают иконы в нетопленном храме,
И светится место, где росчерк ножей и снегурок
Сплетается змейками тесно в одной монограмме.

Земснаряды

Денису

Нас баюкают руки родной первобытной стихии.
Мы в объятьях воды, мы и сами, почти что, вода.
Капилляры зари пробивают теченья тугие,
А порезы от волн зашивают иголки льда.

Мы выносим на свет из глубин мутновато-угрюмых
Лучезарное диво, природы самой полотно,
И вздыхают поршня отрешённо в простуженных трюмах,
А железные губы впиваются в вязкое дно.

Эти воды родные до слёз, упоительны, милы,
Этот лунный кумыс, что течёт молоком из соска –
Мы берём из воды, выжимая здоровье и силы,
А на коже земли выступают веснушки песка.

Дорога

Мне открывает двери храм воды.
Вошёл, и тут же горизонт распорот.
Там нараспашку тайные ходы
Из чёрных катакомб на белый город.

Там бастиона мощная стена
Растворена до невесомой плёнки.
Там дождик сух, темница нетемна,
А облака укутаны в пелёнки.

Там и часы идут наоборот,
А Эрмитаж построен вверх ногами.
Куда меня увлёт водоворот,
Тут всё напевно как в минорной гамме.

Вода моя! Лечу в тебя, лови,
Окрась разнообразием нарядов.
В воде свободны лошади и львы,
И копыя, заточённые в оградах.

В реке такие хрусткие лучи,
А солнце как расколотая репа.
И лишь мостов скрипичные ключи
Сюда доносят музыку и небо.

Matadero ¹

Поутихли вопли и сирены,
Матадор разделался с быком.
Их обоих тёпленьких с арены –
На банкет, на ужин, прямоком.

Жизнь – всегда случайность, как ни странно,
Ведь не знал ни тот и ни другой –
За столом в потёмках ресторана
Встретятся они, и снова – бой.

¹ Бойня (исп.)

Матадор с язвительной ухмылкой,
То-то – он опять вооружён!
Шпаги нет, так он беднягу вишкой,
Бандерилий нет, так он – ножом.

Впопыхах, мадерой подогретый,
Холоден и точен как кристалл,
Он, взмахнув салфеткою – мулетой,
Под столом на цыпочки привстал...

Он работал, как и там – на совесть,
Был как никогда свиреп и зол,
И летел с тарелки жгучий соус
На его изодранный камзол.

Гармонь опять поскуливает, стонет,
У гармониста не хватает рук –
Вот он уже в волнах Амурских тонет,
И я бросаю в бескозырку круг.

Цепляется, карабкается – мало,
Опять с мольбою смотрит – помоги!
Волна его медведицей подмяла,
И вот дождём летят круги, круги...

Уже его не видно в бескозырке,
Хоть руки поживее загребли,
И сыплются монеты, это – дырки,
А он их принимает за рубли.

На Колымской

Езда по этой улице – полёт,
Я достаю до крыш с велосипеда,
Здесь патефон по-прежнему поёт,
Забыв, что вся пластинка спета. Спета?

Причудливая изморозь с окна
На кружевные скатерти комода,
В открытки, в фотографии сошла,
Хотя давным-давно другая мода.

Ещё живёт танцующий фарфор –
Два хрупких человечка неустанно
Сервант пузатый – склад хрустальных гор
Закручивают в непрерывном танго.

Дома осели, сгрудились дворы,
Им душно в этом сумраке свинцовом.
Но глубоки зарубки той поры –
Не спета песня, танец не станцован.

Туча – кобылица вороная,
Ветер с серебристой плёткой гроз
Пролетели, молнии роняя,
Пролетели, молнии роняя,
Над зелёным пламенем берёз.

Стой! Мне так знакомы эти капли.
Да ведь это мы с тобой летим,
Отражаясь в радуге как в сабле,
Обронённой всадником лихим.

Барсик

Барсика я люблю называть Грамотей. И не без основательно! Ведь трепетное чувство к книгам, журналам, газетным статьям, даже любому листу бумаги, несущему в себе какую-либо информацию, сродни нам обоим. Чтение (для меня в прямом, а для кота, конечно же, в переносном значении) – это одно из самых приятных совместных наших занятий. Какое благоговение от шелеста типографской бумаги; от ощущения между пальцами и под лапами кота гладких или шероховатых, недорогих серых страниц, состоящих из тысячи мельчайших частиц, объединенных в одно полотно; от запаха типографской краски, при помощи которой напечатана буква, слово, фраза.

Каждый из нас, по-своему, вступает в диалог с человеком, выразившим свои мысли посредством незатейливых литер. Самые интересные, занимательные вещи я зачитываю Барсику вслух. Он внимательно слушает, положив голову на что-нибудь бумажное или полностью забравшись всем своим телом на раскрытый информативный источник, смотрит на меня таким понимающим взглядом, вникает в суть прочитанного и тихонько фырчит.

Когда он устает от познавательного процесса, то его большие зеленые глаза закрываются в крепкий замок. Несколько минут он недвижим, а затем, как будто очнувшись, вытягивается всем телом, напоминая длинный черный шарф с белыми кисточками, попереворачивается вокруг себя, поюзолится на мягком диване или на той самой книге, которую, еще минуту назад, «читал» с удовольствием, может даже зевнуть. Потом тихонько приоткрывает глаза, чтобы

удостовериться, что я обратила внимание на все его проделки. Он ждет моего разрешения на перекур, моего одобрения, выражаемого в словах или простым поглаживанием его умненькой головушки.

Так мы и обогащаем себя, каждый по своим возможностям, по своему разумению. Но всегда, когда мы беремся за книгу, в душешевном соседстве друг с другом пытаемся раскрыть тайну тайн страниц, в такие потаенные для нас минуты испытываем великую радость.

Филька

За окном, где-то вдали, послышался выстрел ружья. Еще один прозвучал уже четче. Третий пошатнул воздух. И все ненадолго замолкло...

Олег вскочил из-за письменного стола, задев рукавом тетрадь, и она полетела. Как у птицы запорхали белые листы-крылья, зашуршало безжизненное бумажное тело. И упало раненной птицей. Упало на пол, но как в пропасть...

«Филька!» – растерянно крикнул мальчишка, устремившийся всем телом и мыслями к окну. И оцепенел. «Филька!» – беззвучно прошептали его губы, и рука повисла на шторке, срывая легкую ткань с крючков. Ткань закружила птицей и погрузилась в тишину комнаты. «Филька! Филька!» – вскричал Олег, вырвавшимся из глубины глубин голосом. Метнулся в стекло крик-плач, зазвенел и разбился в безответности.

На улице стукнул каблук кирзового сапога об асфальтовую площадку дома. Олег услышал этот злой стук. Он различал и гул мотора грузовой машины. Потом мальчик узнал голос матери, точнее это был вопль. Долгий плач, прикипшей к земле женщины, растерянно смотрящей то на руки, испачканные кровью, то на запитого, обрюзглого мужика с винтовкой в руках, то на рыжее небольшое тело собаки с застывшей в глазах болью.

Опять загремел выстрел. Мужик сплюнул остаток самокрутки, покрыл матом убегающих псов и, пнув тело очередной жертвы, проверяя ее бездыханность, схватил изуродованное животное и швырнул в кузов машины. Осунувшись, устало и злобно поплелся к кабине. Вдруг остановился, помедлив, повернулся к дому. Его серые маленькие глазки наткнулись на мальчишку в окне, и быстро убежали туда, где кто-то недоуменно возился на подстывшем асфальте.

«Это? Ну... Да привязывать надо! – грубо заругался он, вновь смачно зарядив матом. – Отстрел!.. Швали бездомной развелось, – как будто стал оправдываться мужик. – Ваш кобель, таво, случайно?! А!..» – рыкнул он. Женщина вновь взорвалась плачем, а неотесанный мужичина так и не понял «престранную» силу трагедии.

Лай собак на соседних улицах поселка заглушил все прочие звуки. Да еще громко каркали птицы, взметнувшие черной полосой в небо.

Олег босиком выбежал во двор. Его покрасневшие щеки, припухшие глаза, влажные темные кудряшки волос обдул холодный осенний ветер. «Филька! Мама, наш Филька?!» – с надеждой шепнул сынишка. Женщина взяла ребенка на руки, крепко прижала к себе и как можно спокойней прошептала: «Наш Филька заснул... Вот сделаем ему удобную кроватку и... ему будет хорошо!» Она поспешила в дом, а с неба полетели первые редкие снежинки, еще не зимние, но такие холодные и колкие.

К вечеру, неожиданно для всех, снег усилился. Взрослые заговорили о ранней зиме, о приближающихся морозах. Олег с тоской смотрел на бугорок в саду под рябиной, уже слегка припорошенный снегом, и все никак не мог понять «ПОЧЕМУ?».

«Забава»

По платформе скакал воробей,
Собирая остаточки-крохи.
Вдруг мальчишечий голос:
«А ну-ка, подбей!
Расскакались серые блохи».

Зловещая фраза повисла на миг,
Дрожание шпал пробежало.
Откуда ворвался звонкий крик?
У детства бывает ли жало?!

Ответствовал возглас детей и пух,
С земли подхваченный ветром.
И смерти, помедлив, явился дух...
Всё скоро лишь стало пеплом.

Случайная встреча

С верхней полки сорвалась увесистая энциклопедия о животных и упала на холодные плитки пола, прошамкав листами дорогой бумаги. Спокойствие каждой вещи большого книжного зала на секунды колыхнулось. За пробежавшим глухим стуком последовал возмущенно-напуганный детский голос: «Ух!.. У...». И уже в считанные секунды над распластавшейся книгой пыхтел малыш. Словно ожившие картинки смотрели на ребенка снизу вверх, а он удивленно, что-то бормоча себе под нос, тыкал пальцами в яркие контуры.

Небольшое замешательство молодой женщины исчезло при звуке знакомого голоса: «Будущий зоолог! Похвально». Она поспешила поднять книгу, спешно взяла ребенка за руку и, сделав безразличный вид, намеревалась уйти. «Мама! Ух! Хоцу-у!», - некстати заупрявился сын. А в это время перед ними уже стоял приятный мужчина и протягивал ту самую энциклопедию. «Подарок. Талант надо развивать», - сказал он, внимательно разглядывая мальчишку. «Вот и свиделись. Здравствуй, Таня!» - уже как-то робко или взволнованно проговорил он. И наступило молчание...

Душа молодой женщины, охваченная волнением, бунтовала внутри тела. Мужчина еще что-то говорил, пытаясь развеять очевидное оцепенение женщины, не проронившей ни слова за несколько минут их случайной встречи. Она безмолвно всем своим видом вопрошала сразу все и обо всем, скользя глазами, переполненными накопленных невысказанных речей. Ей было, что сказать за эти долгие годы отчуждения, но не здесь, не сейчас... «Пойдем!» - по-матерински ласково и, в то же время, твердо произнесла привлекательная мама. - «Мы купим машину, а книгу в следующий раз! До свидания!» - произнесла она сухо, идя к выходу. Он остался в молчании книг.

Уже на улице мужчина догнал женщину с ребенком и взволнованным голосом, доверчиво глядя в ее черные безбрежные глаза, проговорил: «Знаешь, а у меня сегодня картошка... жаренная, как ты любила... удачная!»

Она первый раз взглянула на него и сказала по-доброму, но прощальным тоном: «Спасибо! Но уже ничего не вернуть, даже вкуса той любимой картошки... Прощай!»

Дверь автобуса закрылась, отстраняя когда-то близких друг другу людей. Все происшедшее никак не укладывалось в голове. Теперь он, конечно же, понимал все по-другому, но поздно к нему пришло это понимание.

Ты ушел, и сбежала удача.
Может я отказалась от вас?!
Дней теперь заморённая кляча...
Мне б вернуться, и новый указ.

Всё что нужно живой душе – ищи.
Пошлость рядом с собой приглуши.
Береги, в чем да здравствует честь,
Не познавшая злобу, тоску и лесть.
Требуй максимум, только не впрок.
Каждый день жизни – первый урок...

Спорить не буду,
Нет сил и права.
В сердце простые слова.
Я не забуду
Свои доказательства:
Боль, черный ситец, тоска...

Дверь деревянная
Хлопнет со злобою.
Памяти дверь не закрыть.
Судьба разъяренная
Наречёт одинокою.
Плача, продолжу жить!

От света к тьме без воли шла,
От тьмы ко свету возвращалась.
Встречались люди и друзья...
Последней Смерть мне повстречалась.

Неизбежно

Двор зеленый, дети в нем.
Шум и смех ребячий.
Беззаботность их во всем.
Мне ж покой бродячий.

Мне что холод, что жара.
Всё скребет по сердцу.
То и жизнь-то не моя,
Где ж возврата дверца?!

Таинственная встреча

Был прекрасный теплый августовский вечер. Мы с подругой прогуливались по городу. Пора было расходиться по домам, но так хотелось еще сохранить создавшееся хорошее настроение, что мы решили продлить наше общение и завернули в кафе, располагавшееся прямо здесь же на остановке, откуда мне следовало затем ехать домой. А там меня ждала тревожная, напряженная обстановка: умирала от рака моя сродная сестра Римма. Немудрено, что возвращаться мне подольше не хотелось; осознание неотвратимости происходящего и собственной беспомощности приводило моих родных в отчаяние. Атмосфера была тяжелая. К тому же добавляло неприятных эмоций то, что мне уже полгода никак не удавалось устроиться на работу. Дома мне находиться было тяжело. В общем, обо всем этом пока не хотелось думать, и мы с Юлией (так звали мою подругу) взяли по мороженому в шоколаде и кофе. Не успели мы удобно расположиться, как к нашему столу буквально подскочил незнакомец, и начал очень активно навязываться к нам в собеседники. Это обстоятельство омрачило мое настроение. К тому же его чрезмерная активность и разговорчи-

вость поначалу заставила думать меня, что человек пьян. Не желая с ним общаться, мы с подружкой попытались его прогнать. Мужчина очень обиделся, но оказался настойчивым. Последним его аргументом было: «Ведь я же умею гадать!», на что мы с подружкой, не скрывая язвительности в тоне, засмеялись. Незнакомец все-таки подсел к нам. Он оказался совершенно трезв. Видимо просто на характер он был чересчур живым и общительным человеком, что и создало у меня ложное впечатление его пьяной расторможенности.

Итак, с этого момента в моем еще не богатом жизненном опыте появляется тайна, которую я по простетивии вот уже нескольких лет до сих пор не разгадала. При первом же анализе после этой встречи у меня возникло ощущение, что этот человек был послан именно для меня (а не для подружки) с какой-то миссией: о чем-то предупредить, что-то подсказать, а может помочь?

Мужчина назвался Шамилем. Внешне он был похож на цыгана. Во рту в верхней челюсти слева блестели золотые зубы. В глазах прыгали озорные искорки, вместе с тем эти зеркала души как будто постоянно скрывали какую – то тайну. Одет он был в очень приличный костюм – пиджак и брюки коричневого цвета.

Шамиль сразу принялся рассказывать мне все мое прошлое, начиная с самого детства. Только раз он переключился на Юлию, но та сразу же предупредила, что ничего ей предсказывать не нужно, и больше незнакомец не отвлекался. Он рассказал, что я очень хорошо, но строго воспитана, что у меня есть брат, что я очень хорошо училась, и у меня есть и медицинское и педагогическое образование. Чем дальше он рассказывал, тем серьезней я его слушала. Все совпадало. Он описал даже случай из моей жизни, который оставил в моей душе неизгладимый след и долго не давал мне в дальнейшем быть открытой для других своих подруг: всегда оставалось недоверие. «Ты относилась к ней как к своей сестре и доверяла ей, а теперь не можешь так же дружить с другими своими подружками». В точку. Шамиль предсказал мне, что очень скоро я устроюсь на работу, и она будет связана с детьми, и что я буду этих детей лечить. Буквально в течение месяца его пророчество сбылось: я устроилась работать в приют психологом. По первому образованию я – медсестра, в дипломе о высшем образовании – психофизиолог. Наверное, мою

работу можно было действительно назвать лечением, так как вместе с сотрудниками приюта я участвовала в реабилитации и адаптации детей из проблемных, социально запущенных семей в окружающем мире.

Итак, изложив это все, Шамиль замолчал, причем от меня не ускользнуло возникшее в нем напряжение. Он спросил, есть ли у меня сестра. Конечно, я уже поверила в его неординарные способности и поняла, что он думает что-то сказать про Римму, но решила ему не помогать и ничего не подсказывать. Я сказала, что родных сестер у меня нет, а сродных много. На что он мне сказал, что речь пойдет о моей сестре со стороны мамы (а Римма, действительно, мамина племянница), что она тяжело больна и у нее рак. Я не стала больше юлить и сказала, что это действительно так и я об этом знаю. Шамиль опять замолчал. Я решила, что если он не скажет об исходе, я сама его об этом спрошу. Но он сказал: «Она выживет». Теперь то я знаю, что он солгал, да и в тот момент я не поверила и ответила ему, что этого не может быть, но мой предсказатель вновь заверил, что сестра моя будет жить. «Если я тебя обманул, увидешь меня – плюнешь мне в лицо» – сказал он, глядя прямо мне в глаза своими глазами – искорками. «Интересно, - думаю я, - и где же я тебя увижу, такого загадочного». Воспитание не позволило вслух задать такой вопрос, и я промолчала. Между тем, Шамиль объяснял, что нужно собрать некую сумму мелочью и раздать ее в мечети. Я тихонько слушала, а в мыслях уже решила, что в мечеть не пойду, лучше отдам деньги ее матери, и пусть она их отнесет в церковь. Для нее это дело привычнее. Не успела я домыслить, как вдруг мужчина прерывает все свои объяснения, обращает свой взор на меня, и начинает отвечать на мои мысли: «А сестра твоя крещенная?» – спрашивает он. «Нет» отвечаю я.

«Тогда в церковь нельзя, нужно идти в мечеть» – говорит он. После этого я сидела, растопырив глаза и уши, и стараюсь больше ни о чем в своей голове пока не думать. Этот человек еще и мысли читает! Все сказав, Шамиль резко засобирился уходить, но теперь уже мне не хотелось его отпускать, не услышав предсказаний о своем будущем. Ведь мне уже 26, а я все еще не замужем! Более молодых девчонок -то этот вопрос живо интересуется. Что уж говорить! Но спросить - «Когда я выйду замуж?» – я стеснялась, а поэтому просто

попросила: «Скажите что-нибудь о моем будущем!» Предсказатель ответил, что о будущем говорить ему нельзя – это грех, но, увидев в моем лице разочарование, и, видимо, опять прочитав мои мысли, махнул на меня рукой и воскликнул: «Да выйдешь ты замуж, выйдешь!» Этой последней фразой он несказанно меня развеселил и обрадовал.

Шамиль попрощался и стремительно вышел из кафе. Мы с подругой, не обсуждая произошедшего, разъехались по домам. Я все сделала, как просил Шамиль. Прошел месяц. За это время я устроилась на работу, как и было предсказано.

Второе октября. Умирает моя сестра. Я отпросилась с работы, чтобы проводить ее в последний путь. Был прекрасный осенний теплый солнечный день. Золотая листва лежала на сухой земле. Осень была в тот год не дождливая. Я села в полупустой автобус. Мое внимание привлек мужчина, сидевший напротив. Он, как будто в ожидании чего-то, пронизательно смотрел на меня. Одет он был ужасно. Так одеваются бомжи на свалках. На голове вязаная грязная шапочка, на ногах какие то сандалии. Такое впечатление, что они лежали где-то на трассе, и много раз побывав под колесами автомобилей, только после этого были надеты на ноги. Штаны с курткой вообще трудно описать. Все очень грязное и измятое. Но, взглянув в лицо, я оторопела! Я узнала, узнала эти глаза – искорки. Искорок в них нисколько непоуменьшилось! Эти глаза смотрят на меня, а у меня в голове вдруг вспыхивает фраза Шамиля: «Если я тебя обманул, увидишь меня – плюнешь мне в лицо». Человек ждет. Я машинально делаю попытку встать и сделать то, что он некогда мне предлагал, но, мгновенно представив себе эту картину, откидываюсь обратно на спинку автобусного сидения. Незнакомец, до сих пор сидевший, глядя на меня, вдруг усмехнулся, не открывая рта, и отвернулся, уставившись в окно. Больше он ни разу на меня не взглянул. Зато я не могла отвести взгляда от его лица. Все ждала, не улыбнется ли он, и я увижу еще одну приметку – его золотые слева сверху зубы. Не дождалась. Но сходство (кроме одежды) поразительное. Странности в эту историю добавило место высадки незнакомца из автобуса. Он вышел ни где-нибудь, а именно на той остановке, где мы встретились с Шамилем! Кто это был? Почему я его ни раньше, ни по-

сле произошедшего больше никогда не видела, а впервые увидела только за месяц до печального события и второй раз – сразу же после не предсказанной мне смерти моей сестры именно в день прощания? Что означала эта таинственная встреча для меня? Зачем он показался мне в автобусе? Что мне нужно понять?

Когда я вновь и вновь вспоминаю эту историю, невольно закрадываются сомнения: а с человеком ли вообще я общалась?

Звезда

Для каждого горит своя звезда,
Судьбу и жизнь определяет.
Но почему она не угасает,
Когда земные минули года?

Звезда моя, о чем твои печали,
Что ищешь ты в безбрежности ночной?
Поговори о чем-нибудь со мной,
Спустись ко мне из неизмерной дали.

Тебе одной могу доверить я
И мысли, и безумные порывы.
Я знаю, суд твой будет справедливым,
Ведь мы с тобой – старинные друзья.

Гимн огню

В ликующей пляске огня
Жаром дверцы открытой
Печка дышит в ночи на меня.
Только сон, под утро забытый,
Выступает из огненной свиты.

Когда-то, порыв Прометея
Нам подарил этот миг,
Когда «отключаешься», млеешь.
Уставших от бед и интриг
Нас огненный сон настиг.

И выглядит неуместной
Дневная мирская блажь.
В чарующей пламени песне
Рождается теплый мираж,
Как добрый, заботливый страж.
Ему доверившись в дреме,
Забыв о дневных тревогах,
Уснем в колдовской истоме,
Покой обрета в чертогах,
Огнем рожденного, Бога.

В Вечность

Призывный шепот первозданной тьмы,
И звезд далеких вечные дымы,
Окутав мозг, пугают и зовут.
Нить Ариадны тихо оборву
И в Вечность без оглядки уплыву,
Оставив жизни недошитую канву
И неразгаданную тайну слова «мы»,
И мыслей рой, бесплодных и немых.

А за спиной останутся Века
И грозно – грозовые облака,
И слезы безутешные дождя.

А посулы бездушного вождя
Меня уж никогда не убедят
И Душу снова не разбередят.
Все это будет после, а пока
Меня уносит в Вечность лишь строка.

У камня

Лежит на пыльном перекрестке камень.
Он должен мне дорогу указать.
Расшифровать бы надпись под ногами,
Но прежде надо многое узнать.

Читаю непонятные узоры.
Из них сложился безысходный слог.
На Запад уведет тропа позора,
Сума ж тому, кто двинет на Восток,

На Юге солнце нам опалит крылья,
А Север заморозит наши Души.
Непрошенные слезы взгляд застили,
Орлиный клетот тишину нарушил.

Ответа нет на каменном погосте,
А путь свернулся возле камня в точку...,
И забелеют на восходе наши кости
Последним символом последней строчки.

Осколки

В Мире нет незыблемых основ.
Он – лишь призрак наших ощущений
От кошмарных или сладких снов,
От отброшенной от свечки тени.

Не столбят Законы бытия
Очертанья Истины единой.
Нет ее. Она – лишь ты и я
На оторванной студеным ветром льдине.

Истина моя в крошечной тьме,
Истина твоя – сверканье Света.
Носим в своей нищенской суме
Лишь осколки, собранные где-то.

Складываем их за разом раз
В зеркало кривое. Вот – потеха!
И сочтется с кончика пера
На листок бумаги горечь смеха.

Над рекою туманы стелятся

Над рекою туманы стелятся,
Туман стелится над Судьбой.
Все, наверное, перемелется,
И тропинки сведут нас с тобой.

Мне и верится, и не верится,
Что наступят иные дни.
Чем дороги ухабы измеряться?
Ведь столбов верстовых нет на них.

Но находок, увы, без потерь
Не бывает, и встреч без разлуки.
Между нами распахнута дверь,
И навстречу протянуты руки.

Цветок

За окном – мороз,
На окне – Цветок.
Он в ночи замерз,
Проклиная рок.

Ему снится сон,
Будто улетел
С птичьей стаей он
От мороза стрел.

Улетел на Юг,
Где прогонит дрожь
Жаркий Солнца круг
И умоет дождь.

Лист озябший он
К «багарее жмет
И, вздохнув легко,
Сна о лете ждет.

Русь

На языческих русских равнинах,
Орд степных ожидая набег,
Снаряжается княжья дружина
Охранить дикий волжский брег.

Тучей вороны следом слетелись,
Предвкушая кровавый пир,
И прощания плачи отпелись
На стенах крепостных степи.

Что ты, ворон, накаркать хочешь?
Лихолетья? Не видно пока
Как накрыла крылом бездна ночи
Русь беспечную на века.

Будут битвы и будет море
С побуревшей от крови водой,
Овдовевших провинций горе
И столичный лобный убой.

Скоро ль кончится смутное время
На твоих одичавших просторах?
Где твое пордевшее племя
Отдохнет от кровавых разборок?

Видно, так уж угодно Богам:
Испытать Русь святую на прочность,
Расстилая к ее ногам
Оскверненную беспорочность.

Предисловие

В детстве Вера, Надежда, Любовь являются содержанием жизни. С годами они превращаются в слова, несущие информацию, но утратившие смысл. И хотя приходит их мать София – Мудрость по нашему, но служит она порой лишь утешением по утраченному.

Ну что особенного было в моем послевоенном северном детстве, вначале не очень сытом и совсем не комфортном – с керасиновыми лампами, угарными печками, очередями за мукой и валенками. С родителями, работавшими с утра до вечера за маленькую зарплату и верящими всему, что пишут в газетах и говорят по радио.

Но ребенок смотрит на мир позитивно и не требует от него слишком много. К тому же у него нет культа денег, отсутствует ирония, переходящая в глумление и цинизм, переходящий в «смердяковщину» и предательство. Детство уже само по себе счастье.

Или, по крайней мере, ожидание его. Но счастья ожидали тогда не только дети.

После того как на войне убили много миллионов молодых парней и сильных мужчин, все, кроме изувеченных и тяжело раненых, хотели жить долго и радостно. У страны, вернувшейся со смертельной страды, когда, по словам одного из фронтовиков, что ни бой так нет дивизии, хватило сил на воскресение и даже на невероятный рывок к звездам.

Но Родину предали и мой космический народ, подобно Икару низвергся с небес в бездну. Я в начале 80-х годов сказал своим приятелям: «Вот уйдут фронтовики на пенсию и все рухнет». Так и произошло. Накаркал. Того Отечества уже нет, а мы все еще живем и пьем свою чашу позора. И делаем это иногда с удовольствием, радуясь свободе. Но свободен только Бог. А мы сходим со сцены без славы, без чести так и не поняв, зачем жили.

Через два года после моего рождения в 1949 -м на экраны страны вышел великий фильм «Кубанские казаки», исполненный оптимизма и пафоса созидания. В его финале среди бескрайнего поля, сходятся отовсюду те, кто его вспахал и засеял. Радостные и усталые они собираются в большую группу, идут плечом к плечу и приветливо машут нам – их детям и внукам, отъезжающим в светлое будущее. Это наши отцы и матери, прошедшие через огонь и поднявшие из пепла свою отчизну, прощаются с нами. Сильные и добрые, они глядят из полу-векового далека на обанкротившихся потомков и поют песню победителей.

В который уже раз, видя этот поистине бессмертный народный эпос, я, скрывая за усмешкой подступающие слезы, смотрю на дорогие и любимые лица, с бессильным желанием оживить тени прошлого. Но только одна милосердная память может вернуть мне потерянный Рай, находившийся на заре жизни в городе Ханты-Мансийске.

Ханты-Мансийск город детства

*Сердцем помню только детство,
Все другое – не мое.*

И.А. Бунин

Был он в 50-х годах прошлого века. Я – маленький мальчик. Мой юный дядя Вовка звал меня почему-то Труфальдино. Вот этот Труфальдино и жил в городе, находившимся в удивительном месте между двух рек Иртышем и Обью, которые пониже его соединялись во времени и пространстве. Состоял город в основном из одно-двух этажных строений барачного типа, а так же бревенчатых домиков

обывателей, являлся центром недавно образованного Ханты-Мансийского округа и был не так уж на много старше меня – лет на 20.

Здесь находилось все, что положено: Окружком, милиция, народный суд, универсам, кинотеатр «Художественный», Дом культуры, почта, да еще аптека. В центре – несколько фонарей и радио на столбе, а так же огороженная палисадником площадь. Там на Новый год устанавливали роскошную ель. Поскольку в ту пору игрушек не было, ее наряжали цветными леденцами, изготовленными из замороженной воды, подкрашенной чернилами, марганцовкой и синькой. Это было красиво и вкусно. В глубине площади помещалась трибуна для митингов и демонстраций, а с левой стороны сквер им. Пушкина с березами и танцплощадкой.

Но все эти приметы цивилизации не могли сравниться с природным ландшафтом. Образованные прошедшим ледником холмы, поросшие волшебными прекрасными кедрами и елями, казались мне горами. Их головокружительные обрывистые склоны и бескрайние просторы Иртыша дали основание назвать Ханты-Мансийск маленькой Швейцарией. Кто-то не очень доброжелательно назвал город – «в небо дыра». Но я был не согласен и оказался прав. Сейчас Ханты-Мансийск знает весь мир. Ныне он являет собой точечный образ коммунизма, который строили наши отцы, матери и отчасти мы сами, но так и не построили по независимым, да и зависящим от нас причинам. А тогда это было едва развивающееся захолустье, и для некоторых место ссылки. Северная окраина города именовалась Перековкой. Там жили «кулаки», высланные с семьями на так называемую перековку в советских людей.

Самым крупным предприятием был Рыбзавод, который выпускал консервы, в том числе и любимый мною частик. Рыбы тогда было полно. Помню у нас в сенях зимой лежали полуторо-метровые мороженые осетры, а икра помещалась в суповых кастрюлях.

Город находился настолько далеко от всего мира, что ближе всего, как мне казалось, был к Луне, которая сияла над головой. И где-то в душе я считаю себя лунатиком, так как могу не спать по ночам, что мне очень пригодилось на службе в погранвойсках. Подобно Невскому проспекту, пересекающему Петербург, ночное бархатное небо над Ханты-Мансийском пересекало Млечный путь. Его фантастическое сверкание отражалось в бескрайних снегах зимой и в безграничных разливах Оби и Иртыша летом.

Я тогда очень любил жизнь, людей и был вполне счастлив. Ведь цель нашей жизни в том, чтоб остановить прекрасное мгновение, а в той моей жизни почти каждое мгновение было именно таким. Я увидел, узнал и пережил столько, что остальная жизнь не смогла погасить яркость впечатлений.

Вот вспомнить хотя бы как на широкий Горрыбкоповский двор из солнечного дымящегося мороза под звон колокольчиков и бубенчиков влетал караван северных оленей, запряженных в нарты, на которых размещалось население целого хантыйского стойбища. Это надо было видеть! Во-первых, олени – пушистые, рогатые, кроткие, оставляющие после себя на снегу орешки, которые были настолько экологичными, что подмывало раскусить. А деревянные нарты! Это чудо по своей легкости, прочности и изяществу. А эти удивительные люди, явившиеся из какого-то иного мира! Сейчас выступают иногда фольклорные национальные ансамбли народов Севера. Красивые костюмы, танцы и прочее. Но они не производят такого впечатления как семейные караваны. Тут отцы с матерями, старики и дети – все вместе, в невиданных одеждах из оленьего меха дивно скроенных и празднично расшитых стильными национальными узорами и орнаментами. Их лица, внешность, говор, манеры – все поражало воображение. Я до сих пор не могу взять в толк, как среди снежной пустыни, где кроме смертельного холода ничего нет, можно жить полноценной жизнью в отрыве от всего, что, собственно, и составляет существование остального человечества. Какой это драгоценный опыт! В нашей жизни бывает, что городской человек, подвыпив, замерзает насмерть посреди улицы, где в метре под ним пролегает теплотрасса, а за стенами домов, среди которых он потерялся, пышат жаром батареи.

За прошедший век мир Севера сильно изменился, во многом необратимо разрушен. И народ его претерпел многое. Но тот летящий по девственным снегам караван мне и сейчас представляется сказочным путешествием в детство.

Паромов Борис Иванович, родился в 1947 г. в г. Ханты-Мансийске. В 1960 г. переехал с родителями в Тюмень. С 1976 по 1982 г живет в Ленинграде. С 1996г. – член Союза художников России. Выставлялся в Ленинграде, Москве, Перми, Тюмени. Работы хранятся в Тюменском областном музее изобразительных искусств, в частных собраниях России и за рубежом.

Б О Г

Меня взяли за ручку и повели. Кто? баба Мотя или тетя Соня? Одна из них. Тогда-то я помнил, это сейчас забыл. Ходить я уже умел, но был неопытен. Идем по тротуарчику, в досках которого кое-где блестят шляпки гвоздей. Когда ты маленький, то ближе к земле и видишь ее во всем многообразии. Какие травки, цветы, какие стрекозы и божьи коровки. Все это дивно и волнительно. Яркий день начала лета. Голубая твердь неба с плывущими как будто живыми облаками.

В нашем городе никогда не было ни храма, ни церкви, ни даже часовни и единственным «культовым» сооружением была пожарная каланча. Но я уже откуда-то знал, что там, на небе живет Бог, и относился к этому вполне благожелательно. Хотя и побаивался, особенно когда Он раскатывался громом и поражал молниями.

Мы с моей спутницей свернули в переулок к небольшому дому, и она сообщила, что мы идем к такому же мальчику, как я, но только он уже умер и надо с ним попрощаться. С жизнью я был знаком мало, со смертью же не был вовсе, но, тем не менее, почувствовал стеснение в ребрах. Подняв за веревочку звякнувшую щеколду, мы открыли калитку и вошли в прогретый солнышком зеленый двор, поднялись по ступенькам в сени и, переступив высокий порог, оказались в темной с закрытыми ставнями прохладной, даже я бы сказал холодной комнате.

Явившись из счастливого яркого дня, я попал в ночь. Однако молодые глаза довольно быстро прозрели. На большом столе я увидел ужасный белый маленький гроб. Мои детские слабые нервы натянулись как струны на балалайке. С полу животным любопытством я вглядывался, но в свежем полумраке не видел ничего, кроме воскового лобика и двух медных монет. Где-то рядом горела свеча. И темный силуэт склонялся над гробиком. Сначала неясно, но потом более отчетливо послышалось речение. Слов я почти не различал, но смысл уловил вполне. Это было мое первое сопричастие с молитвой.

Небо и земля, мгновение и вечность, жизнь и смерть просто и болезненно вошли в мою примороженную северную душу. Там образовалось нечто вроде галактики с бесчисленными звездами, туманностями и космическим холодом. В центре этого грандиозного

сияния переливалось и жило что-то очень светлое, теплое, почти горячее. По-видимому, так я почувствовал Бога в себе и себя в Боге.

Народное гуляние

«Ну-ка, солнце, ярче брызни, золотыми лучами обжигай!». Разносятся по городу слова бодрого спортивного марша, транслируемого местным радио. Праздничное воскресное утро. День молодежи. На голубом небе ни облачка. Все вокруг кажется преображенным. По обычно малолюдным в будни улицам сегодня в направлении стадиона, мимо педучилища, мимо электростанции с новой высокой трубой, мимо городской бани, двигаются нарядные горожане, парами, семьями и по одиночке, как я.

У меня в кармане коротковатых штанов 3 рубля. На мне чистая рубашка, а на голове, как муха на арбузе старая школьная фуражка. Вид украшенного флагами и заполненного публикой стадиона уже издалека вызывает волнение, а звонкие песни, летящие из репродукторов, ответное ликование. Праздник начинается.

Под сенью кедров на свежесколоченной эстраде красавицы в кокошниках и длинных платьях, украшенных стеклярусом, расположившись полукругом, поют о любви к Родине. После них пляшут украинский гопак участницы танцевального кружка при Доме культуры в веночках с разноцветными атласными лентами, красивее которых ничего нет. Потом матросы Обь-Иртышского пароходства танцуют «Яблочко», вызывая зависть у мальчишек и не только у них, своими синими воротниками и широкими клешами. Приезжий иллюзионист показывает фокусы, приводящие зрителей в восторженное недоумение. А на спортивной площадке два юноши и девушка выполняют акробатические упражнения, правда, не вполне удачно. Известный всем в городе атлет, бывший офицер после некоторой разминки демонстрирует свою мощь в метании копья. По беговой дорожке мимо скамеек с многочисленными зрителями летят бегуны в кожаных шиповках, в трусиках с лампасами и буквами «Д» и «С» на майках. Но и это не все. По периметру стадиона располагаются грузовики с открытыми бортами, с которых торгуют напитками, закусками, сладостями, а также книжками от «Робинзона Крузо» до «Синдбада-Морехода», коего я не замедлил приобрести

наполовину истощив свой бюджет. Другим искушением была газ вода в бутылке с волнистым ярлычком, на которую я потратил остатки средств. Поэтому на мармелад, халву, коржики и пирожки мог уже только любоваться.

Взрослые располагались живописными группами. Мужчины с веселыми послевоенными лицами, в модных шелковых теннисках с замочками, с папиросками в зубах угощают себя и своих друзей вином и жигулевским пивом. Прекрасный пол в разноцветных крепдешиновых платьях, с сумочками, в часиках и красивых бусах выглядит неотразимо женственным. Все поют, все танцуют. И как кульминация всеобщей радости над стадионом появляется самолет. Гудя мотором, он пролетает над нашими головами и, вдруг, выбрасывает серебристый шлейф из листовок, которые, кружась и рассеиваясь, опускаются на землю. Вся ребятня и недоросли с безумными лицами бросаются ловить эти бумажные прямоугольнички, как если бы это были выигрышные билеты популярной тогда денежно-вещевой лотереи. На этих листовках, одну из которых мне к моему счастью удалось поймать, был напечатан столбиком текст песни «Подмосковные вечера». Новой тогда – в 1957 году.

С листовкой в одной руке и «Синдбадом» в другой я, к обоюдной радости, налетел на свою дорогую маму и отчима, на тетю Фису и дядю Витю с маленькой дочкой в белой панамке, восседающей на его плечах. Когда теперь, спустя пол века, я вижу их в старом семейном альбоме – красивых, молодых и счастливых; себя, стриженного наголо, в жалкой одежонке, то забываю, что всех их давно уже нет. Что этот праздник был в другой стране, в другой жизни и вновь думаю, что все у нас еще впереди...

Да, а в завершение народного гуляния состоялся футбольный матч между командами ЦРМ и Рыбзавода. Кто выиграл и с каким счетом я, разумеется, не помню.

Школа

Моя школьная жизнь, начавшаяся в 1955 году, незаладилась с самого начала. К тому времени уже было отменено отдельное обучение, приверженцем которого я являюсь.

К тому же моя первая учительница раньше работала завучем в торговой школе и ее освободили от этой должности, утвердив на ней мою гораздо более образованную и энергичную маму. И я, исполненный ожиданий и надежд, попал в когти к ее злейшему врагу. Поэтому или почему другому я уже не поддавался потом никакому педагогическому влиянию. И даже когда в наш класс пришел на практику мой сосед Эмиль – студент педучилища, то я, увидев его, заявил: «А вот Мильку я слушать не буду!». О чем он и напомнил мне через 50 лет.

Потом я поуменел и относился к учителям более терпимо. Особенно к учителю истории Сазонову, который носил темно-синий не очень новый, но всегда выплаженный костюм с пустым рукавом, и настолько ярко создавал в нашем воображении картины древнего мира, что я до сих пор слышу его фронтовой голос, произносящий звучные и таинственные имена и названия: Рамсес, спартанцы, Пантикапей, Акрополь. Жил он напротив бабы Моти в крепком просторном деревянном доме и, кажется, хорошо рисовал.

Саму по себе школу, находившуюся на углу улиц Карла Маркса и Комсомольской, я любил. Построенная из добротного сибирского леса, двухэтажная, с высокими потолками и большими окнами, через которые на широкие крашенные половицы косо вливалось зимнее солнце, с утра хорошо протопленная, она была по-домашнему тепла и уютна. При ней имелась прекрасная библиотека, над дверью которой висел плакат, предлагающий нам учиться, учиться и учиться.

Научившись читать, я помню, уставился на репродукцию, висящую на стене, и прочел: «И.И. Шишкин. Рожь», подумав, как я этого раньше не умел? А читать тогда я и мои приятели очень любили и пользовались не только школьной, но и городской библиотекой, в которую являлись, вывалившись по дороге в снегу, с красными, как снегири щеками, не реже одного-двух раз в неделю. А я еще умудрялся брать книги в библиотеке торговой школы. Майн Рид, Фенимор Купер, Жюль Верн и много, много еще интересного и незабываемого.

Моя умница мамочка говорила мне: «Если хочешь грамотно писать и хорошо соображать, то читай!». Но в точных науках я себя не нашел, и когда моя по-прежнему любимая мамочка пыталась

мне объяснить непонятное, то, в конце концов, в раздражении восклицала: «Тьфу, дундук!» и отступалась от меня.

В те годы существовала школьная форма, похожая на военную : гимнастерка и брюки из сукна стального цвета, такая же фуражка с лаковым козырьком и кокардой, а также широкий ремень с бронзовой пряжкой. Как-то сижу я возле пожарного чана под забором на зеленой травке, обматываю красивой медной проволокой рукоять шашки, которую я смастерил из выпрямленного обруча, и вижу, как мимо меня по широкому тротуару моей родной улицы Ленина шествует в сопровождении родителей мальчик, облаченный в вышеописанную форму. Сказать, что я был потрясен мало, я был раздавлен его великолепием. И что вы думаете? К концу первого класса мне привез точно такую же форму вернувшийся из Москвы отчим, да еще вдобавок вороненый пистолет совсем как настоящий с большим запасом патронов.

Когда я разглядываю общую фотографию первого класса и вижу себя, единственного в этой гвардейской форме, то завидую самому себе.

Зимнее утро

Послышался лай собаки. Где-то рядом замычала корова. Стукнула калитка. Звякнуло ведро, Наш городок просыпался. Оживал оранжевыми огоньками в синих утренних потемках. И хотя ночная стужа потрескивала в бревнах и резала бритвой, небо на востоке, светлеющее и наливающееся румянцем, как щека красавицы, обещало новый день. Таяли и исчезали звезды. Горизонт за кружевной кромкой леса горел золотом и пурпуром. И вот в назначенный час свершилось ежедневное великое чудо – из палой зари выкатилось как желток из яичка, солнце. Ярило! Наше древнее и неизменное божество. И грянул торжественный неслышный гимн, и разлилось безмолвное пение ангелов, и задрожала радостно душа, сознавая свое бессмертие.

Еще тайлся голубой сумрак в глубине леса, а на плечах могучих кедров вспыхивал и сверкал снег, как богатырские доспехи. Стройные молодые ели представляли в своих белых уборах на солнце как невесты перед алтарем. Весь городок ослепительно сиял занесенными крышами и перинами огородов. И не было бы так уж удивли-

тельно, если вдруг из долины ручьев, звеня подвязанными под дугой колокольчиками, вылетела тройка с красногубым и краснощеким Дедом Морозом, в руке которого радужно переливался алмазными гранями волшебный посох. А рядом в вихре снежинок смеялась Снегурочка и в синих глазах ее лучились звезды, сошедшие с ночного неба. И сразу бы стало ясно, что пришел Новый год. И он будет еще радостней и счастливей, чем старый.

Однако среди этого Зимнего царства людям нужно было как-то устраивать свою жизнь. Взрослые еще затемно ушли на работу, видны были только старушки, закутанные в шали, в валенках, с кирзовыми сумками в руках, поспешавшие в магазин. Да ребятишки, которым учиться во вторую смену и поэтому – кто с санками, кто на лыжах, кто с собакой весело и безмятежно предававшиеся зимним потехам.

Проехала лошадь, запряженная в поскрипывающие сани. Зачиркали зимние птички: воробьи и синички. А с площади от универмага из репродуктора, похожего на колокол, разносились радостные голоса и звонкие песни. Это началась передача «Пионерская зорька».

В домах затопили печи и в морозную лазурь из труб устремились голубовато-розовые столбы.

Было их много. И в зрелище этом было нечто фантастическое. Хотелось вознестись на воздух как эти дымы и посмотреть с птичьего полета на утонувший в снежном океане городок. На сказочный лес. На открывшуюся за ним широкую ленту Иртыша с пролегающей по ней зимней дорогой, по которой двигался обоз. Потом подняться еще выше и полететь дальше, чтобы увидеть всю мою великую Родину, которая начинается здесь.

Смерть

Детство как-то мало и редко сопрягается со смертью. Но жизнь, в отличие от Луны иногда поворачивается своей обратной стороной.

На Самаровской дороге, проходившей через лес, зарезали нашего соседа. Дело было поздним вечером и свидетелей не было. Но

все были уверены, что убили вербованные потому, что сняли одежду, отрезали нос, выкололи глаза.

Гроб стоял во дворе на двух табуретках. Был предосенний хмурый день. Тяжелые северные тучи цеплялись за верхушки кедров на холмах за огородами. Мы с дружкой Валеркой стояли среди родственников и соседей, хотя нас никто не звал. Разглядывая лицо покойника – сине-красные шрамы и порезы, так буднично свидетельствующие об ужасе насильственной смерти, мы чувствовали как никогда свое детское бессилие среди этого сурового мира.

Однако бывали и другие впечатления. Хоронили местного начальника. Человека, по-видимому, заслуженного и уважаемого, поскольку процессия вытянулась от почты до нарсуда, вблизи которого размещалось кладбище. Ордена на подушечках, торжественная медь бьющего трагическим звоном оркестра. Венки с черными лентами и золотыми словами. Гроб в открытом грузовике на ковровой дорожке. И никакого страха. Даже какая-то праздничность. Может быть потому, что это был логический финал удавшейся жизни. Хотя, что я мог тогда понимать и оценивать?

И еще одна смерть. Покончила с собой девушка лет семнадцати. И ангел хранитель не остановил ее. Отравилась уксусной эссенцией, как было принято в те года у самоубийц. Она училась в торговой школе, где преподавала моя мать, и влюбилась в какого-то красавца в буквальном смысле смертельно.

Сияющий мартовский день. Весна света, капель. И бескровное лицо. Несбывшиеся мечты, разбитые надежды. И ничего не изменить, не исправить.

Переминаясь в отсыревших валенках, любуясь прекрасным профилем мертвой царевны, я чаял ее воскресения и тяжело недоумевал по поводу необратимости и загадочности смерти.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
ЛОМАКИН Станислав.....	4
СЕЛИВАНОВ Федор.....	7
ПЛЕСОВСКИХ Мария.....	13
ДАНИЛОВА Ольга.....	21
ЛОМАКИН Станислав.....	28
СУРОВЯГИН Станислав.....	45
ШЛЯКОВ Алексей.....	51
ЭРБЕС Наталья.....	54
ОГОРОДНИКОВ Виталий.....	58
СЕРКОВА Милетта.....	66
ПАЧЕЖЕРЦЕВА Чулпан.....	72
ПЛЕСОВСКИХ Павел.....	77
ПАРОМОВ Борис.....	83

АРИОН

**Литературно-художественный
студенческо-преподавательский альманах
Тюменского государственного
нефтегазового университета**

Выпуск 9

**Подписано в печать 07.07.2008.
Формат 60x84/16. Печ. л. 8,4. Печать ризограф.
Тираж 1000. Зак. № 673.**

**Типография «Печатник»
Тюмень, ул. Республики, 148 корп. 1/2.
Тел. (3452) 20-51-13, тел./факс (3452) 32-13-86**

15p

